

ОТЕЦ ГРИГОРИЙ

ЖИЗНЬ,
ПОСВЯЩЕННАЯ
БОГУ

Ольга Пономарева

**Отец Григорий. Жизнь,
посвященная Богу**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2006

ББК 86.372

Пономарева О.

Отец Григорий. Жизнь, посвященная Богу / О. Пономарева —
«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой
Лавры Русской Православной Церкви», 2006

ISBN 5-7789-0165-8

По благословению епископа Саратовского и Вольского ЛОНГИНА.
Предлагаемое вниманию читателей издание рассказывает о жизни
удивительного батюшки, протоиерея Григория Пономарева. Основную
часть книги составляют воспоминания его родной дочери Ольги, – живое
повествование, исполненное глубокой любви к родителям – отцу Григорию
и матушке Нине. Помимо воспоминаний в книге публикуются «Дневник»
отца Григория, а также «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской
души» – сочинение, написанное пастырем в помощь своим духовным чадам.
«Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души» основаны на
святоотеческой литературе и собственном духовном опыте отца Григория.
Несомненно, это замечательное произведение поможет и современному
христианину найти правильные ответы на волнующие его вопросы.

ББК 86.372

© Пономарева О., 2006

ISBN 5-7789-0165-8

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2006

Содержание

Воспоминания о жизни протоиерея Григория Пономарева и его супруги Нины Сергеевны, проживших вместе шестьдесят один год и почивших о Господе в один день, 25 октября 1997 года	6
Вместо вступления	7
Глава первая	9
Глава вторая	21
Глава третья	28
Вера твоя спасла тебя...[9]	28
В шахте	30
У Меня отмщение, Я воздам...[14]	33
В бараке смертников	35
Отец Алексей	38
Глава четвертая	43
Глава пятая	46
Паломничество	50
В Кургане	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Пономарева
Отец Григорий. Жизнь, посвященная Богу

© О. Пономарева, 2006

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006

**Воспоминания о жизни протоиерея Григория
Пономарева и его супруги Нины Сергеевны,
проживших вместе шестьдесят один год и почивших
о Господе в один день, 25 октября 1997 года**

Отец Григорий и матушка Нина

Вместо вступления

Из воспоминаний духовных чад отца Григория

- Отец Григорий! Благословите меня в дорогу. К дочери в Москву собралась.
- А вы бы подождали несколько дней, не ездили...
- Батюшка, да я уж и билет купила!
- Но билет можно и сдать...
- ???

Скромные вещи уже уложены в дорожную сумку, куплен билет на пассажирский поезд Хабаровск – Москва, но... нет благословения батюшки. Как же решиться на столь дальний путь без благословения?

Сдала билет, а в день, запланированный для отъезда, узнала, что на железной дороге серьезное крушение, есть погибшие, много раненых. Это оказался тот самый поезд, на который и был куплен билет, но по совету отца Григория сдан в железнодорожную кассу...

* * *

Опухолевидное пигментное образование, что было у меня на левом виске вот уже более пяти лет и на которое я ранее не обращала внимания, в 1992 году стало болеть и периодически кровоточить. Стали беспокоить головные боли. Я понимала, что нужна незамедлительная консультация врача-онколога. Перед тем как обратиться в онкологический диспансер, решила причаститься. В то памятное для меня утро исповедь принимал протоиерей Григорий Пономарев. Я и раньше исповедовалась и причащалась, но на исповеди у отца Григория была впервые. Некоторые мои грехи он называл сам – как будто высветил мою душу...

– Кайся в этих грехах!

Дома после причастия у меня началось сильное жжение в голове и груди. Палило внутри – как огнем. Дня через четыре, к моему удивлению и большой радости, пигментное пятно на виске присохло и готово было отпасть. А еще через три дня от опухоли не осталось и следа. Святое Причастие, по молитвам отца Григория, исцелило меня. Это было мое первое обращение к батюшке и первая его молитвенная помощь мне. Позднее я узнала, что накануне литургии, готовясь к службе и Таинству Исповеди, отец Григорий подолгу молился дома, вставал на молитвы по ночам. В храме батюшка часто стоял на своих больных ногах около аналоя со Святым Евангелием и Крестом, выслушивая всех исповедников, неторопливо давал духовные наставления и всякий раз записывал имена страждущих. После Таинства шел в алтарь и молился за всех, кого исповедовал, прося Господа о прощении. Молитвы его каким-то особенным образом чувствовались, это я поняла при первом же обращении к нему. Снова и снова я прибегала к молитвенной помощи отца Григория и получала ее.

* * *

Это было давно. Много лет прошло с тех пор. Разные события одно за другим чередой проходили через мою жизнь. Но то давнее воспоминание до сих пор не стерлось из памяти.

В храме села итниково для крещения младенцев собрались молодые родители и крестные. Родители раздевали малышей, готовя их для Таинства. Всеобщее внимание привлек золотушный ребенок, головка которого вся была покрыта коростами. Золотуха незаразна для окружающих, но в толпе поднялся ропот, чтобы этого младенца не крестили в общей купели. дали батюшку. Когда он появился, все обратились к нему с просьбой разрешить конфликт. Отец

Григорий посмотрел на заплаканную маму, на младенца и, положив руку на голову ребенка, перекрестил его, а матери сказал: «Не огорчайтесь! Я покрещу вашего младенца отдельно».

Окончив Таинство Крещения, батюшка стал крестить золотушного ребенка. Одного. После крещения вновь погладил его по головке и сказал матери: «Господь милостив. Идите с Богом».

Дома мать сняла чепчик, надетый малышу после крещения, и увидела, что на шапочке остались все золотушные коросты, а головка ее ребенка стала совершенно чистой и здоровой.

Потрясенная мать на следующий же день пришла сообщить об этом в храм, заказала Господу нашему Иисусу Христу благодарственный молебен за исцеление, благодарила батюшку.

Случай этот поразил тогда всех окружающих и надолго остался в памяти. Милостивый Господь по вере матери и по горячей молитве отца Григория в Таинстве Крещения дал чудесное исцеление больному ребенку, укрепляя в людях веру в то, что всякое благое прошение скоро будет Им услышано.

Глава первая

Детство и юные годы отца Григория

Февраль, как всегда в Шадринске, был не столько холодный, сколько ветреный и выюжный. Небольшой, но известный своими традициями, этот зауральский городок в те времена относился к Екатеринбургской епархии.

Протоиерей Александр Пономарев, настоятель одного из шадринских храмов, и его супруга Надежда ждали прибавления в семействе. Старшие дети были уже довольно большими: Нине – четырнадцать лет, Марусе – одиннадцать, сыну Алексею – шесть.

Матушка Надежда – словно цветок орхидеи, так же прекрасна и хрупка. Рождения ребенка ждали с некоторым беспокойством: выдержит ли матушка? Но родители уповали на волю Господа. Если Господь благословляет рождение младенца – значит, это Ему угодно. Не нам судить о Промысле Божиим. Нам надо только молиться, чтобы рождение было благополучным.

В канун праздника святителя Григория Богослова, когда отец Александр уже служил всенощную, матушка, по нездоровью оставшаяся дома, почувствовала приближение родов. Девочки Нина и Маруся побежали за акушеркой, и в ночь на праздник святителя Григория Богослова, 7 февраля 1914 года, она родила мальчика. Маленький и крепкий, он заявил о своем появлении на свет Божий громким криком, и все окружающие, возблагодарив Господа, поспешили сообщить батюшке, что молитвы его услышаны: матушка Надежда благополучно разрешилась и у них теперь появился второй сын. Состояние обоих – матери и новорожденного – нашли вполне удовлетворительным. Мальчика, рожденного в день святого Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, было решено назвать его именем.

Слева направо: протоиерей Ипполит Пономарев (дедушка отца Григория), супруги Александр и Надежда Пономаревы (родители отца Григория). *Около 1900 года*

Шли годы... Малыш рос здоровым и некапризным. Много времени с ним проводили матушка и сестры, постепенно погружая его в круг интересов семьи. Особенно заметна для окружающих была его любовь к храму. В четыре года маленький Григорий (конечно, по своим детским силенкам) уже помогал отцу Александру.

Позже отец Григорий вспоминал о том, как его спрашивали: «А какие у тебя были игрушки?».

– Да мне и не очень хотелось играть... Вот помню лошадку на палочке. Я хотел доскакать к Руслану и Людмиле, и еще в Киевскую Лавру, и в Дивеево...

В пять лет Григорий много уже знал о Господе Иисусе Христе и Его святых угодниках, знал молитвы и с удовольствием учился читать русские и славянские тексты.

Отца Александра вскоре перевели в Екатеринбург, где он служил в большом соборе, стоявшем на месте нынешнего Дворца культуры Визовского завода. Семья переехала вместе с ним. Хорошо, что девочки стали уже совсем большими. Они оказались хорошими помощницами матушке, которая старалась не показывать свою слабость и тающее здоровье.

Вот и Нина уже невеста, и Маруся так повзрослела. «Дай им, Господи, счастливой жизни!». Алеша вытянулся и стал похож на отца, а Гриша... Это какой-то странный ребенок!

Ни детских капризов, ни особых шалостей. Все больше бывал с папой в храме, и как-то незаметно выяснилось, что он уже умеет читать по-церковнославянски и образцово знает порядок службы.

Все окружающие, и соседи особенно, полюбили этого не по возрасту серьезного синеглазого мальчонку. Первое горе, поразившее сердце Гриши, – смерть соседа, дяди Семена, который очень любил общаться с мальчиком: всегда что-то рассказывал, вырезал ему из дерева забавных медвежат и зайчиков. Тетя Катя, его жена, всегда старалась угостить Гришу чем-нибудь вкусным. Теперь тетю Катю узнать было невозможно: все плачет и плачет. Часто ходит на Ивановское кладбище, где похоронили дядю Семена; почти ни с кем не разговаривает и, исчезая на весь день, совсем редко бывает дома. Беспокоило отца Александра и то, что Катерина, буквально все забыв, не бывает даже в церкви, а все сидит или лежит на могиле мужа.

Проходит время. Вот уже и сорок дней миновало. Поздняя угрюмая уральская осень охватывает всё и вся. Но Катерину этим не проймешь. С утра уходит и возвращается в сумерки, заплаканная и измученная...

Так наступил один из последних дней осени, когда еще нет снега, но первые морозы уже прихватили землю. Колючий ледяной ветер срывает одежду, добираясь до тела и приводя его в дрожь своим уже зимним дыханием. Чернота застывающей земли наводит мрачные мысли. Катерина, не обращая внимания на непогоду, совершает свои ежедневные походы на кладбище, невзирая на доводы и убеждения духовного отца. Даже своего любимца Гришу почти не замечает...

Вечер. Батюшка пришел со службы. Окна соседнего дома, где живет Екатерина, темны. Где она? Родители переглядываются с беспокойством, да и маленький Григорий переживает что-то свое, непонятное... Они видят, как он встает на коленки в передний угол перед иконами. И вдруг – как крик души: «Папочка, родненький! Скорей запрягай жеребчика. Давай, давай поедem! Надо спасти тетю Катю!». Отец Александр и сам чувствует, что в такое время отсутствие соседки не случайно. Но куда ехать? Где искать?.. Мальчик почти кричит:

– Давай быстрее, тетя Катя может погибнуть...

Отец Александр посадил уже одевшегося Гришу

в повозок, сел сам и направился на кладбище Ивановской церкви, где почти поселилась Катерина.

– Не туда, папочка, не туда! Скорее езжай за Широкою речку, на болота. Скорее, ну скорее же...

Невольно повинаясь внутренней силе и убежденности своего пятилетнего сынишки, батюшка направляет лошадь в нужную сторону. Вот уже не видно и последних городских огоньков, миновали и новое Широкореченское кладбище. Дорога, отвердевшая от холодов, позволяет легко двигаться по болотистой местности. Ничего не видно, почти ничего. В душу медленно заползает леденящий ужас. Батюшка не перестает творить Иисусову молитву. Отдельные исхлестанные ветром кусты, корявые пни, застывшая хлябь... И вдруг вдали какое-то движение. Или это рябит в уставших глазах? Гриша стоит и дышит в ухо сидящему на козлах отцу. Вот, вот же она... Или они? Он делает странный судорожный жест и жмет к отцу. Жеребчик неожиданно храпит и упирается. На фоне почти стемневшего неба по застывшей земле без дороги движутся две фигуры. Один силуэт женский: в платке и коротком жакете (очень знакомая фигура), а второй? Контур широкой приземистой фигуры прикрывает собой Екатерину. Идут... Идут в темень, в неизвестность, в никуда...

И тут Гриша своим звонким детским голосом неожиданно даже для отца Александра закричал:

– Тетя Катерина! Тетенька Катя! Остановись! Господом Богом нашим Иисусом Христом тебя прошу!

И... о чудо! Внезапная вспышка света, широкая мужская фигура исчезает, и вконец испуганная, рыдающая Катерина подбегает к возочку отца Александра.

Увидев его и Гришу, она падает в ноги мальчику и священнику. Бледная, со следами смертельной белизны в лице, она целует Гришу, целует руки батюшки Александра и не может вымолвить ни слова. Ее только бьет дрожь, и она содрогается от нервных спазматических рыданий.

Вот такую они и привезли ее домой. Матушка Надежда оказала ей первую помощь, и наконец пришедшая в себя женщина рассказала:

– Я уже с неделю или чуть больше стала замечать: стоит только свечереть, как к Семеновой могиле подходит этот мужик. Такой вежливый, участливый. Меня все утешает и как-то мудрено говорит, а мне вроде и легче становится... Я последние дни стала даже ждать, что он подойдет. Сегодня он опять пришел. И все говорил, говорил... Я чувствую: темнеет уже, пора возвращаться – и вдруг слышу его слова: «Ну, пора, Катерина, пойдем». И я, как неживая, послушная ему, иду, куда он ведет, хотя чувствую, что вроде совсем из города выходим, да и ноги не идут, а воли моей нет! И только думаю: имя-то мое откуда он знает? А мы уже к болоту подошли. Огней городских не видно... А он все только говорит и говорит, и я иду за ним, как по приказу. И тут крик Гришеньки! Его ангельский голосок: «Тетя Катерина! Ради Господа нашего Иисуса Христа, остановись!». Как только он прокричал имя Господа, этот мой спутник вдруг остановился как вкопанный, что-то сверкнуло, и... его разорвало! И дух такой зловонный пошел.

Она вновь содрогается от воспоминаний.

Сильно переболев, Катерина, по молитвам всей семьи Пономаревых, пришла в себя. Она осознала, что заведи ее бес в болотные дебри, то погибла бы ее христианская душа, если бы не бесконечная милость Господа, вложившего в ум, сердце и уста маленького мальчика ее спасение. Как поддалась она на бесовские уловки? Вместо того чтобы молиться в храме об упокоении души мужа, заказать сорокоуст и читать Псалтирь, она лежала в каком-то отупении на его могиле и чуть не стала легкой добычей дьявола. Спас ее Гриша – ее любимец, сынок протоиерея Александра Пономарева, мальчик, которому Господь определил многое совершить в жизни.

* * *

Прошло немало лет. Гришеньку уже называли Гришей, Григорием. Учиться в школе он не имел возможности – после революции детей духовенства не принимали в школы. Тогда отец Александр, сам блестяще образованный человек, имевший два высших образования – светское гуманитарное и духовное, составил план обучения сыновей, в который входили и общеобразовательные, и духовные дисциплины. Только на математику, химию и физику мальчики ходили к частному преподавателю.

Григорий очень серьезно и углубленно стал изучать полный курс духовной семинарии, одновременно помогая отцу в церкви: знание церковной службы выручало. Лет в тринадцать-четырнадцать он уже мог участвовать в службе в качестве псаломщика, если надо – пел в хоре. Правда, голос, еще не прошедший мутацию, иногда давал срыв, к его великому смущению, и вызывал милые смешочки девочек Увицких – Ольги и Нины, которые пели с ним в хоре.

Ох уж эта Нина – Ниночка Увицкая! Тоненькая, сероглазая, она не выходила у него из головы. Они ведь знали друг друга еще малышами, затем знакомство на время прервалось, и вот теперь они, уже подростки, познакомились, можно сказать, вновь. К шестнадцати годам Григорий твердо знал, что его жизнь и труд должны быть связаны с Православной Церковью. Если Господь сочтет его достойным, он будет служителем Церкви. Где-то еще присутствовала далекая мысль, появившаяся в детстве, – уйти в монастырь, стать монахом. Этот духовный

подвиг неудержимо привлекал к себе юношу. Но вот Ниночка! Много раздумий, колебаний, да и, в конце концов, он же не знает, как она к нему относится... «Пусть все будет по воле Твоей, Господи!».

Прошло еще несколько беспокойных лет. Девочки Пономаревы первыми покинули родное гнездо. Сначала старшая – Нина, а потом и Мария. Обе вышли замуж.

В 1929 году, согласно прошению и по благословению Преосвященного епископа Шадринского Валериана¹, Григорий Пономарев становится псаломщиком, чтобы служить вместе с отцом в храмах Екатеринбургской епархии. Время пришло тревожное, постоянно что-то менялось, поэтому их часто переводили с прихода на приход. В 1932 году они жили в городе Невьянске Свердловской области и оба служили в единственной в городе маленькой Вознесенской кладбищенской церкви, стоявшей на берегу пруда.

К этому времени Алексей, старший брат Григория, жил отдельно от родных. У него были своя семья, работа, жизнь. Он получил высшее техническое образование и работал в каком-то проектом институте. Пока его, сына «врага народа», не трогали.

Невьянск – тихий, спокойный провинциальный городок, у которого есть своя достопримечательность – «падающая» башня. Эта башня была построена еще Демидовым² на железоделательном заводе, как тогда его называли, недалеко от пруда. Очевидно, подпочвенные воды подмыли тяжелое сооружение, но оно не рухнуло, а только лишь накренилось.

Духовный рост Григория шел очень быстро. В юные годы это был уже сложившийся молодой человек, имеющий свои замыслы, цели, задачи. Он много читал, стол его был буквально завален трудами Василия Великого, Григория Богослова, Феофана Затворника, отца Иоанна Кронштадтского. Он не только умом, но душою проник в Библию и много почерпнул из нее, осознавая именно духом святость и величие этой Богоданной Книги.

Жизнь становилась все беспокойнее. Разговоры о том, что арестовывают и ссылают духовенство, подтверждались. Матушка Надежда, имея слабое здоровье, совсем сдала. Она бодрилась, не подавала вида, но от любящих мужа и сына скрыть это не удавалось. Наконец она совсем слегла. Отец Александр и Григорий горячо молились о ее здравии, но внутренне готовили себя к самому худшему. Как знать, что лучше? Возможно, Господь хочет уберечь ее от предстоящих тяжелых страданий за мужа и сына... Все происходит по Его святой воле. Она успела исповедаться и причаститься, благословила своего младшенького и заочно всех старших детей, и душа ее мирно отошла ко Господу.

¹ Епископ Кирилловский Валериан (Рудич; 1889–?). – *Изд.*

² Никита Демидов (Никита Демидович Антуфьев; 1656–1725), организатор строительства металлургических заводов на Урале. – *Изд.*

Надежда Леонидовна Пономарева. *Екатеринбург, 1901 год*

Осиротела семья Пономаревых. Отец Александр и Григорий мужественно понесли свое горе, проводя заупокойные службы и в храме, и на могилке матушки, похороненной прямо за алтарем Вознесенской церкви. Как заботливые родные, склонили над свежим могильным холмиком свои ветви две ракиты и белоствольная березка. Их трепетные листочки ласково прикасались к лицам отца Александра и Гришеньки. «Господи! Помоги вынести тяжесть разлуки с любимым человеком. Дай нам благодать встречи в мире ином, где нет горя, скорби, страданий...».

* * *

Вот увели отца Михаила Оранского, батюшку Иоанна Покровского... Прошел слух, что забрали священника Сергия Увицкого. «Господи! Как там Ниночка?».

Протоиерей Александр Пономарев после смерти жены принимает монашеский постриг с именем Ардалион и далее служит настоятелем Миасской Свято-Троицкой церкви. Девятнадцатого декабря 1934 года иеромонах Ардалион был возведен в сан игумена. Сохранился документ, свидетельствующий об этом. Вот его текст: «Настоятель Свято-Троицкой церкви города Миасса Челябинской области иеромонах Ардалион (Пономарев) по представлению Нашему Его Святейшеством, Блаженнейшим Сергием, Митрополитом Московским и Коломенским³, за усердное служение Церкви Божией... награждается саном игумена, в какую степень Нами и возведен сего 19-го декабря 1934 года за Божественной литургией в Свердловском Свято-Духовском Кафедральном Соборе, о чем и дано настоящее свидетельство за надлежащей подписью и приложением Архиерейской печати. Смиренный Макарий, Архиепископ Свердловский и Челябинский⁴».

По рассказам отца Григория, некоторое время после пострига отец Ардалион жил в монастыре. Но вскоре монастырь был razoren, и игумен Ардалион вновь вернулся в Невьянск, где жил и служил псаломщиком его сын Григорий. Но и это ненадолго. В середине 30-х годов его арестовали, и после этого все сведения о нем оборвались. Что говорить о годах сталинских репрессий, если даже во времена «оттепели» дочь архимандрита Ардалиона⁵ Мария Александровна, приложившая много сил для выяснения судьбы отца, так ничего и не добилась!

В семье Пономаревых сохранились лишь отрывочные воспоминания об этом времени. Отец Григорий говорил однажды, что готовились документы о посвящении архимандрита Ардалиона в сан епископа, но репрессии тех лет помешали осуществить замыслы церковноначалия.

Все духовенство России жило в те годы в сильнейшем напряжении. Тяжелый моральный груз падает и на плечи юного псаломщика. Недавно умерла матушка Надежда, ушел в монастырь отец – архимандрит Ардалион, и вскоре последовал его арест. Григорий остался один, и только молитва, к которой он был приучен с колыбели, и вера в Господа помогли ему не сломаться.

Он трудится в храме, продолжает много читать, начинает учить иврит. На душе тяжело – ведь он еще так молод. Но вот светлый луч озаряет его одинокую жизнь. В Невьянск приезжают сестры Увицкие. Это уже взрослые девушки, такие близкие ему по духу.

³ Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский; 1867–1944), местоблюститель Патриаршего престола, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. – *Изд.*

⁴ Архиепископ Свердловский и Челябинский Макарий (Звездов; 1874–1937). – *Изд.*

⁵ Видимо, за возведением в сан игумена последовало поставление и в сан архимандрита, что, однако, в тексте автором не раскрывается. – *Изд.*

Семью Увицких тоже разметало время. Старший сын Михаил женился и жил со своей семьей. Матушка Павла Ивановна после ареста мужа постоянно находилась с младшим сыном Николаем, а девочки, будучи дочерьми «врага народа», лишились работы. Не имея возможности заработать на кусок хлеба, по приглашению старосты Невьянского храма Татьяны Романовны, хорошо знавшей всех Увицких, и по благословению настоятеля они приехали в Невьянск и стали петь в церковном хоре, где служил псаломщиком и Григорий. Детские и юношеские симпатии и привязанности возобновились у повзрослевших уже друзей, и 23 октября 1936 года Григорий Александрович Пономарев сочетается законным браком с девицей Ниной Сергеевной Увицкой. Две семьи, дружившие много лет, теперь породнились.

Октябрь стал для них каким-то судьбоносным месяцем: в октябре они поженились, в октябре день рождения Ниночки, в октябре его арестуют, и через много лет в одну из октябрьских ночей они вместе отойдут ко Господу.

Нина Увицкая. *Невьянск, 1935 год*

Григорий Пономарев и Нина Увицкая за год до свадьбы

Свадьба была светлой и радостной. Съехались немногие родные, но зато было много улыбок и теплых поздравлений. А какой был день! Переливаясь всеми цветами золота, бронзы и пурпура, деревья при ветре осыпали их дождем из листьев. Небо, какое бывает только осенью в редкие солнечные дни октября, глубокое и голубое, подчеркивало красоту этого блистающего дня, одного из последних перед наступлением ненастья. Один день, который как будто завершал лето, отдал молодым всю накопленную им красоту. «Возьмите! Пусть это навеки останется в вашей памяти как дар!».

Молодые супруги Пономаревы поселились в маленьком домике, в котором когда-то с папой жил Григорий Александрович. Жизнь шла своим чередом. Молодая чета трудилась в храме. Он – псаломщиком, а она – в церковном хоре, на клиросе. Пятого сентября 1937 года у них состоялась поездка в город Сарапул, где Высокопреосвященнейшим архиепископом Сарапульским Алексием⁶ за Божественной литургией в Георгиевском храме псаломщик Пономарев Григорий Александрович был рукоположен в сан диакона. Такая радость для молодой семьи! Они возблагодарили Господа за начало священнического пути отца Григория.

⁶ Архиепископ Сарапульский и Елабужский Алексий (Кузнецов; 1875–1938). – *Изд.*

Григорий Александрович и Нина Сергеевна Пономаревы. *Невьянск, 23 октября 1936 года*

Немного трудновато сегодня Ниночке, которая всегда рядом, – она вот-вот должна родить. Думали, что ей надо остаться дома, но разве она может пропустить столь большое событие в их жизни! Ничего. Господь поможет. Радость их безгранична. А 21 сентября – новые волнения. У них родилась дочка. Поздравления сыплются на молодую семью. Поздравления

с рукоположением в диаконский сан и поздравления с рождением малышки. Как больно, что эту радость не могут разделить с ними родители отца Григория и пропавший без вести отец матушки Нины протоиерей Сергей Увицкий.

Тридцатого октября, когда маленькой Леле⁷ исполнилось сорок дней, счастливые родители принесли ее в храм для Святого Крещения. И в этот же день, октябрьским вечером, молодого диакона Григория Пономарева арестовали, предъявив ему в качестве обвинения действия, означенные в 58-й статье УК РСФСР⁸. Он причислялся к категории арестантов как «служитель культа».

Его увели. Куда? Вероятно, в следственный изолятор, а потом... Трудно сказать, что будет потом. Опять в их жизни октябрь...

⁷ Автор книги Ольга Пономарева часто пишет о себе в третьем лице, называя себя Лелей. – *Изд.*

⁸ Статья 58-я УК РСФСР предусматривала наказание за контрреволюционную деятельность, антисоветскую агитацию и пропаганду, шпионаж в пользу иностранных государств и т. д. – *Изд.*

Глава вторая

Он и она

Это был такой же день, как уже многие проведенные тут. Ледяной колючий ветер летел по степи с огромной скоростью, подхватывая песок, мелкие острые камешки, обрывки чужих, незнакомых растений, с силой швыряя их в лицо, слепя глаза и забивая нос и гортань. Угрюмое желто-серое небо почти касалось голов таких же угрюмых и озлобленных заключенных, ушедших, как бы защищаясь, в себя и вяло реагирующих на уже привычную брань и окрики охраны.

Он работал, стараясь повернуться так, чтобы ветер дул ему в спину. Но тогда не было видно барака главного управления, стоявшего невдалеке, который почему-то именно сегодня он не хотел упускать из виду, словно боясь просмотреть что-то важное. Поймав себя на этой мысли, он углубился в работу, постоянно творя молитву. Но вдруг что-то светлое, давно забытое, совсем из другой жизни затрепетало в нем, сливаясь с молитвой, вызывая непонятное волнение и слезы. Впрочем, слезы могли быть и от ветра. Напряжение внутри росло, натягивая каждый нерв. «Боже Милостивый, что со мной? Не остави меня, грешного, дай справиться с собой!». Откуда это чувство, в котором переплелись и боль, и радость, и странное нетерпение? «Господи, на все Твоя воля, только не остави меня, грешного, не остави...».

После вечерней проверки прошел слух, что на главном пропускном пункте появилась женщина, жена осужденного. Барак возбужденно гудел. Мысли жгли, бились как в клетке: «А вдруг это ко мне? Нет, невозможно, да и как она оставила бы малышку! Нет, нет. Не надо даже думать об этом... Но какая героиня! Ведь это первый случай, когда в такую глушь смогла пробраться женщина. Кто же этот счастливец? А вдруг ее не пустят? Ведь тут законов просто нет. Господи, помоги ей, чья бы это ни была жена...».

* * *

...Неожиданно пришла повторная проверка «с пристрастием». Грязно ругаясь, охранники прилипчивее обычного перетрясали жалкое тряпье заключенных. Особенно усердствовал один – угреватый, мордастый, глумливо ухмыляющийся. Ничего не найдя и «обложив» всех по привычке, они ушли далеко за полночь. Все долго не могли успокоиться: раздавались стоны, проклятия, чье-то сдавленное рыдание. Утром при построении им было объявлено, что их отправляют на конечный пункт этапирования – куда-то на север, через пролив, помогать вольнонаемным шахтерам, «доблестным строителям коммунизма».

Ехали долго в вагонах для скота. Остановок не было. Люди, намучившись, справляли нужду прямо здесь же. Их вяло обругивали, и вскоре повторялось то же.

Он давно уже заметил среди заключенных, в основном уголовников, несколько стариков, чью интеллигентность не могли стереть ни грязные, вонючие ватники (так называемые фуфайки), ни постоянно звучащая матерщина. Даже на окрики охраны они реагировали как-то по-своему, доводя до иступления «борцов за светлое будущее». Эти люди были как островки миролюбия среди бурлящего потока душевных нечистот. Но было заметно, что физически они уже на пределе... Движение поезда стало замедляться. В дощатые дырявые вагоны начал проникать холодный соленый воздух, и все тело, впитывая его, покрылось этой соленой влагой. И вдруг перед ними открылось море.

Раньше он никогда не видел моря. Теперь оно превзошло все представления о нем – бескрайнее, неохватное для глаз, свинцово-серое. Высокие волны, набегая одна на другую, с плотоядным чавканьем обрушивались на берег, у которого, как забытая детская игрушка,

болталось, чуть не опрокидываясь, рыболовецкое судно. В него-то под крик охраны и самих заключенных стали «трамбовать» страдальцев.

Обледенелые сходни без перил. Сзади – напиральная толпа, которую под автоматами загоняют на трап. Кто соскользнул, не удержавшись, – нашел тут свою могилу. Море быстро уносит жертвы. Вопли ужаса, ненависти, отчаяния – все покрывает неумолимый, нескончаемый и безразличный ко всему рокот волн.

Разверзшееся чрево рыболовецкой шхуны все заглатывает и заглатывает людей. Вот уже не только сидеть – стоять почти невозможно, а охрана осипшими, лающими окриками и ударами прикладов ухитряется вгонять еще и еще. Но вот заработал двигатель, судно задрожало, и «живая могила», отпущенная швартовными канатами, взметнулась на волне к линии горизонта, как скаковой конь. «Господи, спаси и сохрани! Не дай погибнуть вот так, без покаяния!».

Люди стоят так плотно, что даже при качке некуда падать. Только крики боли... Трещат и ломаются ребра, люди давят друг друга. В трюме – дурнота от непрерывных взлетов к небу и падений в бездну, как на чудовищных бесовских качелях; дурнота от спертого воздуха, пропитанного запахами гнилой рыбы и давно не мытых человеческих тел. Порой раздаются истошные вопли: или кого-то всей массой прижали к борту, или чье-то невыдержавшее сердце исторгает последний прощальный крик. Время остановилось. Кажется, что прошли недели, месяцы, как их швыряет в этом аду Охотское море.

Вдруг – удар! Такой страшный, что трещат все крепления. Еще и еще. Неужели это конец? На море шторм, но матросам удастся пришвартовать к берегу эти «качели». По приходу свежего воздуха отец Григорий догадывается, что открыли люк. Вот мелькнул кусок неба, плачущего мокрым снегом, как бы оплакивающего будущие жертвы.

Опять брань. Дикая брань охраны, подготавливающей людей к выходу. Пошли. Стало свободнее. Но... что это? Многие из заключенных в тот момент, когда их перестала держать и сдавливать толпа, падают без движения. Всё. Для них уже всё закончилось. Они были мертвы уже в пути, их просто держала сбитая масса людей. «Упокой, Господи, души этих страдальцев. Прости их прегрешения и прими в Свои обители за принятые ими на земле муки».

Те, кто остался в живых, выбирают на твердь земную. После ужасов качки ноги не держат, грудь разрывается от свежего воздуха. Всем построиться! Они прибыли на место. На место новых страданий, на место гибели почти всех приехавших сюда. Они прибыли на свою Голгофу. Прибыли строить коммунизм в шахтах Магадана. Они – прибыли.

* * *

«Господи Иисусе Христе! Слава Тебе, Всемогущий!». Это просто невероятно! Невозможно поверить, но вот она, заветная бумажка, справка-разрешение на свидание с заключенным Пономаревым Григорием Александровичем, осужденным в качестве «служителя культа» по 58-й статье УК РСФСР и находящимся на территории Бурятской Республики где-то в районе Улан-Удэ в зоне № X...

Дочери Ольге три месяца. *Декабрь 1937 года*

Оставив трехмесячную малютку на руках своей мамы Павлы Ивановны, сестры Ольги и брата Николая, она отважно ринулась в путь: хотя бы увидеть, узнать, что с ее бесконечно дорогим и любимым мужем. Ее не могут прогнать просто так. У нее есть официальный документ, выданный НКВД Свердловской области на право свидания. Ей, конечно, очень страшно, что говорить. Такое время, такой далекий путь. Кругом воровство, бандитизм, люди просто пропадают. Правда, взять у нее почти нечего – пара теплого белья и немного сухих продуктов, что разрешены. Это – для него.

Путь до Улан-Удэ продолжается не менее двух недель. Поезд то стоит по семь-восемь часов, то еле тащится, то его вообще загоняют в тупик. Наконец прибывают в город. Из Улан-Удэ надо еще добираться до зоны, как получится: или пешком, или кто подвезет. Опасно. Но она же под Божиим покровом, кто ей что сделает! И она то идет, то едет – и добирается до места.

Кругом пустыня, пески, решетки, железные засовы... Чужие, в основном монгольские, лица, выражение которых трудно понять: то ли в них добро, то ли зло; речь их тоже почти непонятна. На главном пропускном пункте, куда она добралась, ей сказали, что до зоны № X, где находится ее муж, еще километров 20–30, и к тому же надо еще ждать чего-то разрешения.

Она сидит в вахтерской дежурке, сжавшись в комочек. Здесь же находится охрана. Охранники нагло усмеваются, щелкая дверными замками. Стоит площадная брань, от махорки можно задохнуться, но... она выдержит. Ведь она проделала такой путь, и что такое теперь 20–30 километров? Да хоть ползком! За окном степь, по которой несутся песчаные вихри. Метрах в ста – забор с колючей проволокой и вышками. Видимо, тоже зона. Тут кругом зоны.

Бедная, искренне любящая женщина! Знала бы ты, как подло тебя обманывают! Ведь именно за этим забором и есть та заветная зона № X, куда устремлены все твои помыслы. И тут, буквально в ста метрах от тебя, так мучительно и трепетно бьется сердце твоего супруга, словно чувствуя твое присутствие.

Но она терпеливо сидит и ждет, не зная, что на потеху всей охране свидание ей не дадут. Ее просто обманут, ведь это так легко! А кто их накажет? Они знают свою власть... Она доверчиво сидит до вечера, а потом и всю ночь, дрожа от страха, усталости, голода и ожидания встречи, радуясь, что ее не выгоняют на улицу. В соседнем помещении раздается храп, там же режутся в карты свободные от вахты охранники, пьют и сквернословят. А она, ухватившись за молитву, как за спасительную нить, умоляет Господа, чтобы о ней забыли, чтобы ее не тронули.

На рассвете под окнами провели колонну заключенных. Отчего так сжалось сердце? Как унять сердечный трепет и волнение?

Почему ей кажется, что в этой колонне был ОН? Нет, она просто очень устала, и скоро, наверное, ее пропустят в зону. Через некоторое время, хихикая и отводя в сторону глаза, начальник охраны заявляет, что выяснилось, будто она приехала слишком поздно, и отряд, в котором отбывает наказание ее муж, уже отправлен по этапу к следующему месту назначения.

– Куда?!

– Это что еще за допрос!

Да кто она такая? Враг народа! Ее живо заберут, если она пойдет что-то выяснять и чего-то добиваться. Пусть немедленно убирается, пока цела.

Фотография заключенного Григория Пономарева размером 2,2×2,7 см, чудом переправленная им на свободу. *Дата неизвестна*

– Ишь, декабристка нашлась! Пошла вон! Пошла, пошла, а то моя охрана давно уже присматривается. Они живо разберутся.

И далее, холодным официальным тоном:

– Прошу покинуть помещение. Место пребывания вашего мужа вам сообщат в отделе внутренних дел города Свердловска. Все сведения поступают к ним.

«Господи Боже наш! Пусть исполнится воля Твоя, пусть будет так, как Ты хочешь, но не как я. Благодарю Тебя, что меня не тронули, но... мне бы хоть немножко сил, чтобы пережить удар и добраться домой».

Она сейчас возьмет себя в руки, не упадет, не потеряет сознание. Господь поможет ей. У нее есть маленькая беззащитная девчушка, их дочка, его копия. Это его часть, и сейчас она должна ради них двоих найти в себе силы и добраться домой.

Она едет в каком-то поезде, идущем в Москву через Свердловск. Счастье, что ей достался билет в нем. Правда, на боковом верхнем месте, где она едет, разбито стекло, а уже декабрь, и дует просто невыносимо. Но душевная рана так кровоточит, что физические тяготы отходят на второй план. С каждым километром она приближается к дому, к своей маленькой. Надо только потерпеть. Есть совсем не хочется. Как удачно. Только вот сил становится все меньше и меньше. «Господи, помоги!».

Через десять дней ее как умирающую захотят снять где-то на половине пути. Все, что угодно, только не это! Она умрет на этой верхней боковой полке, но не даст себя снять с поезда, иначе ей уже никогда не увидеть ни малышку, ни родных. Ее похоронят где-то в необъятной Сибири чужие люди... Ее могилу не смогут найти даже близкие. Она не имеет права лишить свою дочурку матери. И она держится. Держится молитвой и невероятными усилиями. Только бы дотянуть до Свердловска. Там ее встретят брат и сестра. Как хорошо, что она отправила им телеграмму!

Брат и сестра Увицкие – Николай Сергеевич и Ольга Сергеевна – прибыли к приходу означенного поезда и вынесли из вагона свою умирающую сестру на носилках. Еще три часа – и Нижний Тагил. Ее сразу госпитализировали с диагнозом двустороннее воспаление легких с абсцессом в нижней доле правого легкого и высшая степень истощения. Надежда выжить, как сказали врачи, только на Бога. Она провела в больнице два с половиной месяца и... выжила, вернувшись к своей уже подростковой малышке, которая научилась так забавно поднимать бровки и этим еще более походит на отца. Каждый день говорил ей, что надо держаться, растить и воспитывать их счастье, их любовь, их маленькую дочку Лелечку.

Нина Сергеевна с дочерью Ольгой. 1938 год

Надо жить, хотя исчез на Беломорканале ее отец, протоиерей Сергей Увицкий. Бесследно пропал такой близкий, такой родной свекор – архимандрит Ардалион. Потерялись старшая сестра и брат мужа. Но как подкрепление немощным силам пришла бумага из НКВД, что ее

супруг Пономарев Григорий Александрович, осужденный по 58-й статье УК РСФСР, находится теперь по месту отбывания заключения в районе города Магадан. Срок – десять лет. Право переписки: два письма в год. Одно от него, другое от нее. И она молилась и верила, что Господь их не оставит.

Прошло несколько лет. Леля подрастала. Приближалась Великая Отечественная война. А в далеком Магаданском крае, куда был сослан отец Григорий, шла своя, невидимая миру война. Война, имеющая свои победы и поражения; война, сопровождающаяся предательством и смертью, возвышением и гибелью человеческих душ, постоянной борьбой добра и зла. В таких местах человеческая душа, как в огненном горниле, или сгорает, не выдержав испытания, или выходит из всех искушений, бед и гибельных ситуаций еще более сильной, светлой и окрепшей для новых преодолений и свершений.

Глава третья Голгофа

Каждый человек, по мере своего восхождения ко Христу, восходит и на свою Голгофу. Годы заключения отца Григория стали одной из многих ступенек, которые вели его к духовному восхождению. От силы к силе восходил отец Григорий к Богу и вел за собой своих духовных чад. Одна из них, ныне покойная Дария, поведала чудный случай, свидетельницей которого она была.

Смолино. Свято-Духовская церковь. Служится великопостная Пассия. В центре храма – Крест Господень. Отец Григорий стоит напротив распятого Господа и сосредоточенно молится. Вдруг батюшка на какое-то мгновение замирает, а затем падает на колени перед Голгофой и начинает истово креститься... Ход службы приостанавливается, молящиеся в недоумении смотрят на батюшку, который, преклонив колени, со слезами на глазах шепчет слова молитв и невыразимой благодарности Богу. Батюшка молится не по уставу великопостной Пассии, а своими словами... Так проходит некоторое время. Затем отец Григорий медленно поднимается и, не смея поднять заплаканных благодарных глаз на Распятие, заканчивает службу.

Никто в храме так и не понял, что же произошло, и лишь раба Божия Дария видела, как во время службы засиял тысячами солнц Крест Господень, стоящий посередине храма. Голгофа Спасителя мира освятила церковь неземным, невещественным светом... Это сияние и увидел отец Григорий. Это был дар Христов – свет Божественный, изливающийся на молящихся по неизреченной любви Господа нашего Иисуса Христа ко всем людям.

Вера твоя спасла тебя...⁹

*Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится.
Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю
на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна,
плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет
тя истина Его.*

Пс. 90, 1-4

Ночь медленно и неохотно истаивала, уступая место серой, буранной утренней мгле; глаза застилало, и трудно было дышать. На расстоянии вытянутой руки уже не было видно идущего впереди. Только прожекторы со сторожевых вышек зоны на миг рассекали своим лучом разбушевавшуюся зимнюю стихию и беспомощно увязали в ней.

Группа заключенных шла след в след. Скорее – спина в спину, держась друг за друга. Ветер был такой, что оторви он человека от земли – просто понес бы, покатыл по заснеженному полю. Конвоиры поневоле прижимались ближе к заключенным, чтобы не потеряться в этом снежном месиве. По существу, конвой тут был и не нужен. Бежать отсюда некуда. На сотни километров – ни жилья, ни даже охотничьих стоянок. Разве что где-то рядом зона, подобная этой, да одинокая поземка несущегося по болотам и полям снега. И почти непроходимые леса...

Молодой диакон Григорий, отбывающий уже четвертый год из десяти, был назначен бригадиром группы самых трудных, злостных рецидивистов-уголовников со сроками заключения до двадцати пяти лет. Это практиковалось местным начальством: сломать, подмять под себя молодых, превратив их в фискалов и доносчиков, чтобы легче было держать в узде других –

⁹ Мк. 10, 52.

убийц и насильников, для которых «убрать» человека было пустяком, а порой и некоторым развлечением. Даже охранники, имеющие власть и оружие, не хотели связываться с ними.

Группа двигалась в сторону лесной делянки, которую несколько дней как стали разрабатывать. Удерживать правильное направление мешали снежная буря и слепящий ветер. Контуры дороги, которая стала появляться за эти дни, опять исчезли в снежных завалах. Шли почти наугад к темнеющей вдаль стене глухого таежного бора. Шли на пределе, выбиваясь из сил, но стараясь поскорее хоть как-то укрыться в лесу от сбивающего с ног ветра.

Отец Григорий шел первым – вроде бы по обязанности бригадира, а на деле он по пояс в снегу прокладывал путь другим, чтобы не спровоцировать назревающий с момента их работы на делянке конфликт, который вот-вот готов был разразиться. Он шел, не переставая творить Иисусову молитву. Голодные, озверелые арестанты который день с безумством фанатиков требовали от него еды, так как их дневные пайки – застывшие склизкие комки хлеба – не могли насытить даже ребенка. Отец Григорий спиной чувствовал, что над ним готовится расправа. Как горячо он молился в эти минуты Господу и Божией Матери! Ноги сами несли его куда-то, и, подходя к лесу, он понял, что их делянка осталась далеко в стороне. Он понимал, что не только любой час, но и миг для него может быть последним.

Добравшись до леса и убедившись, что они забрели в сторону, зеки обступили его плотным кольцом. Ничем не отличаясь от стаи волков, они выжидали, кто кинется первым, чтобы затем включиться остальным и завершить бессмысленную кровавую драму. Им это было не впервой. И даже предлог есть: куда завел? Не насытиться, так хоть выместить накопившуюся звериную злобу. Охрана в такие минуты сразу исчезала. Положение казалось безвыходным. Но как сильна была его вера в помощь Господа!

Все, что произошло дальше, он делал, видя себя как бы со стороны. Неожиданно для себя он непринужденно смахнул снег с поваленного ветром некогда отдельно от других стоявшего кедра и сел, улыбнувшись. Это просто ошеломило «стаю».

– Ну хорошо, вот вы сейчас меня убьете. И что? Хоть кто-нибудь из вас от этого насытится? Да, я – «поп», как вы меня зовете. И не скрываю, что прошу у Бога помощи. Но помощь-то нужна и всем вам. И она – у вас под ногами.

Почти у его ног, из-под вывороченного с корнями дерева, среди хвои и переплетения сломанных ветвей виднелась шкура, вернее, часть шкуры медведя. Чувствовалось, что глубже, под снегом, лежал убитый падающим стволом зверь. Вероятно, мощное и крепкое с виду дерево было больным и ослабленным, и шквальный порыв ветра вывернул его с корнем, с огромной силой бросив на берлогу спящего медведя. Внезапность случившегося оказалась для зверя роковой. Кедр упал, ломая подлесок, но основная сила удара пришлась именно на берлогу. Катастрофа произошла менее получаса назад: тело зверя было еще теплым, а его разбитая голова кровоточила.

Восторженный вой голодной человеческой «стаи» привлек внимание конвоя. Это было удивительно! Это был пир с медвежатиной на костре. Даже самые озлобленные арестанты от предвкушения трапезы зачарованно смотрели на отца Григория: «Ну, поп, тебе и вправду Бог помогает!».

Это ли было не чудо? По воле Господа и по горячей молитве отца Григория ноги сами привели его к этому месту. Ведь это была пища на несколько дней, если не растащит лесное зверье. Отец Григорий, отойдя в сторону, упал в снег, сотрясаясь от благодарных рыданий. Он-то понимал, что *такое* совпадение – не простая случайность: расположение берлоги, место падения дерева и внезапность, с какой оно рухнуло, не дав опомниться спящему зверю, – это дело Божественного Промысла. Ведь и в Евангелии сказано: *Просите, и дано будет вам; ибо всякий просящий получает*¹⁰.

¹⁰ Ср.: Мф. 7, 7–8.

После этого случая отношение к заключенному Григорию Пономареву в лагере резко изменилось. Эти нравственно опустошенные люди, изгои общества, в основной своей массе серые, малограмотные и суеверные мужики, стали считать его как бы своим «талисманом». Работая летом на лесоповале, они вместе жарили шишки кедра, а потом, выливая из них орехи, делали кедровое молоко, давя орехи камнем в миске и заливая кипятком. Получался сказочный по целебности и вкусу напиток. Сливая первый настой, орехи заливали снова и снова. Некоторые из зеков по-своему даже привязались к отцу Григорию, уважая его, несмотря на молодость, за немногословность и справедливость.

Менялись заключенные – кто-то умирал, кого-то забивали свои же, кого-то переводили в другие зоны. Менялись и начальство, и охрана. Изменилась и жизнь отца Григория – его перевели работать в шахту.

В шахте

*Не убоишься от страха ночного, от стрелы, летящая во дни,
от вещи во тме преходящая, от сряца и беса полуденного. Падет от
страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится.
О бане очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко Ты,
Господи, упование мое: Вышняго положил еси прибежище твое.*
Пс. 90, 5-9

Прошло уже несколько месяцев, как отца Григория перевели на работу в шахту. Шахтерский труд – один из тяжелейших, но с трудом шахтера-заключенного даже сравнивать что-либо трудно. До забоя ежедневно шли под конвоем. В забое каждый занимал отведенный ему участок, где только при помощи кайла¹¹ и лопаты надо было, вгрызаясь в землю, любой ценой выполнить свою норму. Средств защиты, страховок – никаких. Кому нужны эти заключенные? Погибнут – пришлют новых. Стране нужен уголек; на нем не видны ни пот, ни кровь, ни слезы, ни следы оставленных в шахте жизней.

Когда спускаешься в шахту, замирает сердце, словно попал в преисподнюю. Жутко! Слабый свет шахтерских лампочек едва высвечивает причудливо выбитые пласты породы. Старые, подгнившие крепления скрипят и вздрагивают при каждом ударе кайла; длинная штольня слабо освещена. Под ногами порой чавкающая вода. И воздух... В нем почти нет кислорода, он переполнен взвесью мельчайших угольных пылинок с ядовитыми примесями газов, выходящих из земли. Кто хоть раз вдыхал этот воздух, не забудет его никогда.

И опять жизнь его – как тлеющий уголек, который в любой момент может погаснуть. Погаснуть от тысячи случайностей, возникающих под землей. Одно успокаивало и радовало – его напарник. Что-то там просмотрело лагерное начальство, поставив отца Григория работать вместе с этим старым, до истощения худым человеком. У него не было ни единого зуба во рту, ни единого волоса на голове, а суставы были по-старчески раздуты и обезображены непосильным трудом. Острые лопатки и ключицы выступали из-под арестантской робы, но на изможденном и изрезанном морщинами лице, почерневшем от угольной пыли, сияли удивительной глубины и доверчивости детские глаза. Кашель, даже не легочный, а уже какой-то брюшной, утробный, постоянно сотрясал его тело.

Это был священник, протоиерей Алексей, откуда-то из Подмосковья. В их лагере он появился сравнительно недавно и был так плох здоровьем, что даже уголовники, липнущие к каждому человеку, стремясь извлечь из него хоть какую-то пользу для себя, не трогали его. Не жилец!

¹¹ Кирки. – Изд.

Однако этого полуумирающего старика исправно выгоняли каждый день на работу. Они с отцом Григорием уже несколько дней работали в одном забое, и отец Алексей с непонятно откуда берущейся в немоющем теле силой вбивал свое кайло в породу, оставляя для отца Григория удобные уступы и выбоины, облегчая тем самым его труд.

Совсем недавно отец Алексей узнал, что молодой напарник – диакон, и его младенчески светлые глаза засияли особо приветливым и радостным светом. Родная душа рядом! Он по-отечески тепло относился к отцу Григорию (к «Гришеньке») и говорил, что в назначении их работать в одном месте видит Промысл Божий. Они почти не разговаривали. При таком напряженном труде это невозможно. А в бараке их нары были далеко друг от друга. Но Божия благодать, почивающая на батюшке, как облако, покрывала отца Григория и облегчала его труд.

В тот день, когда их спустили в главный штрек (а они работали именно в нем), воздух казался каким-то особенно ядовитым. Лампы почти не давали света, а распolzавшиеся по своим местам люди были угрюмее и тревожнее обычного. Батюшка Алексей шепотом прочитал молитву, и оба они обрушили свои каелки на неподатливый пласт.

От звука ударов они не сразу расслышали показавшийся им очень далеким крик и какой-то странный гул. Затем оба как по команде прекратили работу. И вновь на какой-то визгливо-истощной ноте, но уже значительно ближе крик повторился. Теперь были слышны и слова: «Спасайтесь! Вода!». Где-то прорвалась вода и под треск рушившихся опор, обламывающихся пластов угля и шум бегущих людей неудержимо подступала к главному штраку. Посмотрев друг на друга и бросив инструменты, они отскочили от стены и повернулись, чтобы бежать к выходу. Но в этот момент, преграждая им дорогу, с оглушительным грохотом рухнул потолок, сметая перекрытия и погребая все вокруг в тучах черной пыли и мелких камней.

Когда отец Григорий пришел в себя, он даже не мог понять, где он и что с ним. Полный провал в памяти. Рот полон угля, на лице что-то теплое и липкое. «Кровь!» – подумал он. Попытался приподняться, однако ноги придавила безмерная тяжесть. Что-то держало его и не давало передвигаться. Фонарь слабо горел, и глаза не хотели видеть, а ум отказывался смириться с тем, *что* освещал этот фонарь. Со всех сторон – только черные угольные стены. А где батюшка? Где отец Алексей? Слабый стон был ответом на его мысли. Да вот же он, рядом, вот его руки, плечи, голова...

Им засыпало ноги. И тому, и другому. Успей они сделать еще хотя бы один шаг к выходу, их накрыл бы и раздавил обрушившийся потолок штольни. Но положение все равно ужасное. Они оказались в каменном мешке, отрезанные от мира огромной массой упавшего потолка. С величайшим трудом и болью отцу Григорию удастся высвободить ноги. Боясь каждого движения, чтобы не вызвать продолжение обвала, он начинает высвобождать батюшку. Отец Алексей в сознании, но не может сдержать стон.

У него сломаны обе голени. Все, что происходило потом, сохранилось в памяти отца Григория отдельными фрагментами.

Он оттянул батюшку дальше от обвала, под самую стену, над которой они трудились несколько минут назад. Или несколько часов? А может, дней? Он то приходит в себя, то вновь впадает в беспамятство. То же, вероятно, происходит и с отцом Алексием. Тут всё: и удар, и боль, и шок от сознания их положения, и еще не осевшая пыль, забивающая легкие. Рот и нос полны угля, на лице – кровь. Это мелкие острые камешки угольной породы с силой вонзились в лицо. Как еще остались целы глаза?!

Тело отца Алексия сотрясается от жуткого, бесконечного кашля. Отец Григорий пытается влить ему в рот немного воды из фляжки, но она только расплескивается. Их обоих бьет крупная нервная дрожь. Потом опять провал в памяти, надолго ли – трудно сказать. Следующее, что он слышит, придя в себя, – горячие, пламенные слова молитвы. И он включается в

нее всем своим существом. Он знает, что там, *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*¹².

Время остановилось. Отец Алексей угасает. У него бред. Вот он благословляет свою паству, вот шепчет какие-то ласковые слова жене или дочери, вот читает девяностый псалом. Голос его крепнет, как будто принимая всю оставшуюся энергию жизни. И голос этот просит с какой-то необыкновенной силой: «Спаси его, Иисусе! Он молод и может еще столько дать людям». Отец Григорий понимает, что эта молитва о нем. Сам он непрестанно молится, потом опять пытается напоить батюшку, но у отца Алексея все только клоочет внутри, и вода проливается мимо. «Оставь это, Гриша! Оставь себе! Господь милостив. Нас откапают, и ты должен жить, продолжая наше святое дело». Но разве отец Григорий возьмет глоток воды у умирающего? Он, как может, пытается облегчить ему страдания: они то молятся вместе, то, видимо, теряют сознание.

Их шахтерские лампы еле горят – уже почти не осталось кислорода. Вот она, готовая для них могила. Вдруг батюшка каким-то неожиданно резким движением притягивает к себе руку отца Григория и шепчет: «Гришенька! Отец Григорий! Хотя ты и диакон, но так, видимо, угодно Богу. Приготовься принять исповедь раба Божия Алексея». Он жарко шепчет ему слова своей последней в жизни исповеди: «...Ну а Господь, может быть, отпустит мне грехи. Мне, недостойному рабу Его Алексею». Потом они молчат. Приходя в себя, отец Григорий творит молитву и слушает угасающее дыхание батюшки. Он уже почему-то не кашляет. Вот и света нет совсем. Они лежат в абсолютной темноте, почти задыхаясь. Но вдруг какой-то звук сначала едва-едва, а потом все сильнее нарушает тишину их склепа.

– Гриша! Похоже, нас откапывают! Господь услышал наши молитвы! Слава Тебе, Всемогуший Боже наш, слава Тебе, Пречистая Богородица!

Отец Григорий, не переставая читать Иисусову молитву, слышит приближающийся звук лопат, отгребающих уголь. Звук становится все громче и громче. Вот впереди что-то блеснуло, и затем сквозь небольшое отверстие засияла, как десять солнц, шахтерская лампочка. После полного мрака она слепит до слез. Отверстие все шире. И вот в нем появляется ошеломленное лицо:

– Эй, Володька! Да тут люди!

Лопаты работают быстрее и быстрее. Наверное, Ангелы небесные поддерживали свод потолка, готового дать новую трещинную осыпь. Наконец в проеме появляется человек. Он освещает своей лампой «могилу» несчастных, негромко присвистывает и почему-то шепотом говорит кому-то, стоящему за ним:

– Вроде живы. Один-то – точно. Да и старик, похоже, тоже живой.

Но они так слабы, что не могут даже подать голос.

– Володька! Тащи брезент!

Как их извлекли из шахты, отец Григорий почти не помнит. Он видит себя уже лежащим наверху на брезенте, а рядом – еще живого батюшку Алексея, дивные сияющие глаза которого устремлены на него. Толпа, окружившая их, потрясенно молчит. Батюшка поднимает благословляющую руку в сторону отца Григория и всех присутствующих. Последним усилием воли осеняет себя крестным знамением, и душа его устремляется к своему Создателю. Взгляд из сияющего становится далеким, а затем – застывшим, отрешенным от этого мира.

А отец Григорий, лежа на брезенте, принимает благословение православного священника для самоотверженного и преданного служения Господу и Его Святой Церкви и молча дает обет: если это угодно Богу и он когда-нибудь выберется отсюда, то посвятит Ему всю свою жизнь.

Спасение отца Григория было, безусловно, чудом. Их откапали на третьи сутки, неожиданно для всех.

¹² Мф. 18, 20.

О них просто забыли. Обвал в этот раз был намного серьезнее предыдущих и унес много жизней. Но специально никого не искали. Просто надо было восстановить основной проход главного штрека, на котором трудились отец Григорий с отцом Алексием. Расчищая главную «артерию» шахты после ее обвала, рабочие натолкнулись на них. Только благодаря распределению рабочих мест в главном штреке престарелый священник и молодой диакон оказались на пути ремонтников, которые их и обнаружили. Действительно, у Господа случайностей не бывает! **У вас же и волосы на голове все сочтены**¹³.

У Меня отмщение, Я воздам...¹⁴

*Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему: яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохраниши тя во всех путех твоих.
Пс. 90, 10-11*

Душно. Ох, как тяжело, томительно-душно. Какое это трудное лето – и для людей, и для природы. С самой весны почти не было дождей. Зелень, устремившаяся по весне к солнцу, вскоре, даже не раскрыв своих бутонов, не набрав сил и влаги в листьях и травах, стала желтеть и засыхать. Неделями откуда-то с юго-запада горячий и сухой воздух накрывал заключенных невидимым, прозрачным колпаком. Именно простой воздух, как из раскаленной духовки, а не ветер, пусть даже сухой и жаркий. В ветре есть какое-то движение, какая-то надежда на прохладу. Тут же – совершенно неподвижный, но осязаемый по своей упругой плотности зной, под которым замирает и цепенеет все.

Давно не слышно птах, обычно живущих тут летом. Не слышно даже стрекота насекомых. Вдали, в почти не колеблющемся мареве раскаленного жара все расплывчато и размыто. Каждый день солнце, за несколько часов выполнившее свою «дневную норму», скрывается в сероватой мгле облаков, а жара и духота продолжают нарастать. Тучи, такие желанные, порой возникают где-то вдалеке, иногда приближаются, еще сильнее придавливая к земле палящий зной, и, не оправдав надежд, уходят к Охотскому морю.

Мучительная жара стоит уже третий месяц. Нервы людей на пределе. Работать в такой духоте невыносимо. Конфликты возникают из ничего – злобные, скверные. Заключенные и охрана обливают друг друга отборной руганью. Несмотря на жару, донимает голод. Обычно в это время года с едой бывало полегче: какое-то лесное подспорье помогало выжить. Нынче в лесу ничего не вызрело, только пыльная засохшая трава – ни ягодки, ни живого кустика.

Проверки в бараках проходят бесконечно долго. Непонятно, что ищут. Перерывая всё на нарах, заглядывают даже в печь. По летнему времени в ней действительно можно что-то припрятать. Все проверки рассчитаны лишь на часть заключенных. На уголовников авралы не распространяются. Там – свой мир, свои законы, и даже конвой предпочитает с ними не связываться. В одном бараке, под одной крышей в четырех стенах протекают две совершенно разные жизни.

Бывает, что в одной реке, даже совсем маленькой, можно наблюдать, как проходят рядом, не смешиваясь друг с другом, два потока. Один несет в себе светлую, прозрачную воду, и тут же, совсем рядом, другой – желтоватый и мутный. Один поток просто ледяной, другой теплее, но оба они устремляются в одном направлении. Так и в зоне. Разные по развитию, по мышлению и душевным устремлениям человеческие жизни, почти не смешиваясь друг с другом, текут вместе, и каждая из них несет свое назначение, неизбежно приближаясь к своему

¹³ Мф. 10, 30.

¹⁴ Евр. 10, 30.

концу. Однако зачастую «пересечения» людей, вместе оказавшихся в заключении, кончаются человеческой трагедией.

Среди этих потоков есть как бы «прослойка» – так называемые «флюгеры». Это самый страшный и ненадежный человеческий тип. Именно в этой среде – первые предатели, доносчики и фискалы. Перед начальством они трусливые подхалимы. Перед уголовниками – шакалы. Гиены – для остального населения барака. Они мельтешат, суетятся, всё вынюхивают и постоянно подслушивают. За щепотку чая готовы продать, оболгать кого угодно, и даже у отпетых уголовников они вызывают раздражение и презрение.

Сейчас, когда невыносимая жара и духота держат всех в напряжении, в бараке идет карточная игра. Играют уголовники. Игра страшная, жестокая, не знающая пощады. Проиграно уже все, что составляет лагерно-материальные ценности. Теперь идет игра на человеческую жизнь. Не берусь сказать, простым ли жребием жизнь одного стукача попала в обойму игры или уж очень надоел он всем, но играют именно на фискала. В бараке – леденящая тишина. Только хриплое, прокуренное дыхание игроков да короткая матерщина, комментирующая отдельные моменты карточной игры. Стукач после приступа визга, воплей и рыданий ползает в ногах у игроков. Страшным ударом под дых его вынудили замолчать, и теперь он только икает и шепчет что-то посиневшими губами. Слышно, как лязгают о железную кружку его зубы.

Тем временем в бараке стало совсем темно. От напряжения смертельного розыгрыша никто не заметил, что тучи, все лето проходившие мимо зоны, собрались прямо над бараком. На улице все почернело. Еще какое-то мгновение мертвой тишины – и вдруг дикий порыв ветра почти срывает кровлю, сталкивает черные рваные куски неба друг с другом, раскалывая их на части змеевидной молнией... И тут же, без паузы, гром, от которого могли бы лопнуть барабанные перепонки, покрывает всё.

На какой-то миг эти нечеловеческие звуки отрывают играющих в карты от их страшного занятия, несущего за собой смерть. Но накал игры так велик, что буквально один вздох отделяет игроков от финала. Всё, игра окончена. Дикий визг фискала Стёхи перекрывает даже оглушающие раскатистые звуки грозовой тьмы. Смертник Стёха катается в ногах у уголовника, проигравшего его, Стёхину, жизнь, и вымаливает себе прощение. Он готов лизать пол под ногами своего убийцы, «жрать землю», ломать и крушить все по его приказу, только бы остаться живым.

– Ну ладно! – милостиво изрекает игрок и вдруг замечает устремленные на него полыхающие синим пламенем гнева глаза. Глаза человека, которого он давно ненавидит и, не признаваясь в этом даже самому себе, где-то глубоко внутри побаивается, что лишь усиливает его ненависть. Этот человек – заключенный Григорий Пономарев.

Вновь небо рвется под очередным ударом молний, который заглушает начало фразы:

– ...дарю тебе жизнь, но за это ты пришьешь сейчас попа! Ну?!

Какое демонское ликование! Барак замирает от неожиданности и ужаса. Большинство барачных привычно равнодушно наблюдают за происходящим. Но души тех, кто знает отца Григория, содрогаются от столь неожиданного поворота событий, от произвола и разнузданности и от чувства своей собственной незащищенности. На лице Стёхи застыл мертвый оскал, как маска, казалось, навечно приросшая к нему. В остекленевшем взоре – смесь ликования, подбострастия и необъяснимого страха. Он кидается за орудием убийства – «заточкой» – стамеской, отточенной до остроты бритвы. Она припрятана где-то внутри барачной печи. Отец Григорий только успевает осенить себя крестным знаменем и призвать на помощь Царицу Небесную.

В этот миг очередная грозовая молния, раскроив небо надвое, ударила в печную трубу барака и, как бы втянутая движением воздуха внутрь печки, влетела в нее и ушла под землю, разметав вокруг себя печную кладку. Во все стороны, как от взрыва, с грохотом полетели

осколки кирпичей. Загорелась крыша барака над развороченной печью, и неуправляемое пламя стало перекидываться на близстоящие нары.

Не видно ничего. Дым, полыхающий огонь, стена поднятой от обломков кирпичей пыли... Горящие, как сухой хворост, нары близ печи – привилегированные места уголовников.

Молнии одна за другой продолжают распарывать небо. Кажется, что все они направлены на барак. словно весь гнев Божий обрушился на головы безумцев. В бараке страшный крик, стоны. Люди через развалы кирпича и горящие нары, толкая и давя друг друга, разносят в щепки дверь барака, спеша выскочить наружу. В дверях свалка. Крики боли и ужаса. И еще один непонятный звук – словно где-то открыли шлюз. Люди выскакивают из горящего барака, задыхаясь от дыма, и едва не валятся с ног от стены дождя, который после сухой грозы накрыл буквально все: горящую крышу и догорающие нары, слепившихся в проеме снесенной барачной двери людей и неподвижные тела вокруг обломков печного фундамента.

Вот она, расплата. Еще две минуты назад эти выродки, раздуваясь от самодовольства, вершили дела и жизни барачных заключенных. Калифы на час! Пришел их жалкий конец. Барачная «элита», совсем еще недавно возлежавшая на нарах вокруг печи и проигрывавшая в карты человеческие жизни, сама приняла смерть, побитая камнями. Как символично! В древности преступников казнили, забивая их до смерти камнями.

Гроза в ту ночь бушевала почти до утра. Скоро появилась охрана. Пожар благодаря дождю скоро был потушен. Пораженных молниеносной смертью уголовников быстро унесли. Раненых отправили в больничный барак. Всех остальных распределили кого куда. Но даже по прошествии нескольких месяцев отец Григорий больше не видел ни в своем новом отряде, ни в других отрядах главных участников трагических и страшных событий той ночи.

Справедливый суд Божий каждому воздает по делам его!

В бараке смертников

*На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою;
на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя
упова, и избавлю и, покрью и, яко позна имя Мое.*

Пс. 90, 12-14

Откроем еще одну страницу полной испытаний и скорбей жизни отца Григория в заключении, чтобы еще раз убедиться, что значит истинная, бескомпромиссная вера в Господа, и чтобы почувствовать, как Он близок к нам. **Просите, и дано будет вам...** – говорит Писание¹⁵. Как быстро, мгновенно слышит Господь Своих детей. Помощь Его приходит незамедлительно. Бывает порой так, что мы не получаем просимого, но не потому, что Господь нас не слышит, а потому, что это нам бесполезно.

Первые годы после возвращения с Севера батюшка кое-что рассказывал о своей лагерной жизни, но нечасто. Чем старше и умудреннее он становился, тем плотнее закрывалась дверь его воспоминаний о годах лагерных страданий. Но иногда, в исключительных случаях, он вспоминал то страшное время – только тогда, когда это было необходимо для пользы его духовных чад.

Идет беседа... Кажется, что все аргументы исчерпаны, а окормляемый батюшкой страждущий человек не слышит, не понимает и готов совершить неразумный и губительный шаг. В таких исключительных случаях несколько скупых батюшкиных слов о его страшной, на грани выживания жизни в заключении и рассказы о незамедлительной помощи Господа отрезвляют наконец упряма.

¹⁵ Мф. 7, 7.

Эпизод из жизни отца Григория, о котором хочется рассказать, я слышала еще в юности, но тогда он не запал в душу глубоко, потому что все, что рассказывал папа, было леденяще жутко и память, как самозащита, размывала отдельные фрагменты рассказов, да и я была еще слишком молода, чтобы что-то понять.

Уже во время работы над этой книгой одна духовная дочь отца Григория повторила мне этот рассказ. Мои воспоминания о жизни родителей, ожившие в ходе разговора, как в фокусе, сконцентрировали давно забытое, а недостающие звенья, о которых я слышала, составили целостную картину. Круг замкнулся. Все встало на свои места, и многое в скрытой от постороннего взгляда жизни отца Григория и матушки Нины стало мне понятным, вызвало трепет и уважение. Были задеты самые трогательные и чистые струны моей души; такие вещи навсегда остаются в памяти человека – как вразумление и как пример на пути стяжания Духа Святаго.

Женщина, поведавшая мне об этом, – глубоко верующий человек со сложной судьбой. Она всегда беспрекословно слушалась батюшку. Видимо, в очень уж крутой жизненный водоворот попала эта раба Божия, поэтому батюшка в долгой беседе с ней привел пример из своей лагерной жизни. Этот рассказ лег в основание следующей части главы «Голгофа».

* * *

Годы в заключении не идут, а ползут, но каждый день жизни может оказаться последним. Состав заключенных лагеря часто менялся. Скорее всего – специально, чтобы люди не успевали сплотиться или как-то сдружиться. Менялось начальство, и вновь прибывшим была глубоко безразлична твоя предыдущая жизнь. Новый день – новые страдания, новые люди, новые ситуации. Только голод все тот же – нескончаемый и изнуряющий до изнеможения. Летом чуть меньший, а зимой доводящий одних до суицида, других до убийства кого-то из таких же заключенных, третьих – до психического расстройства. В общей массе голод «подчищал» зону к весне процентов на пятьдесят – шестьдесят – и вот готовы уже «вакантные места» для новых страдальцев.

Наиболее сильные личности рук на себя не накладывали, не ввязывались в бессмысленные кровавые побоища, и даже психика их оставалась неповрежденной. Но от хронического истощения и непосильной работы организм человека не выдерживал и давал сбой. Часто это проявлялось в заболевании глаз, которое в народе называют «куриной слепотой». Болезнь эта заключается в том, что с наступлением сумерек человек теряет зрение. Он не видит ни дороги, по которой надо идти, ни пайки заработанного хлеба, ускользающей прямо из-под носа с барачного стола. Заболевание развивается очень быстро, и люди лишаются последнего куска хлеба, который и без того даже не продлевает жизнь, а скорее оттягивает смерть. Таких больных выселяли обычно в отдельный барак. Практически это был барак смертников. Их, конечно, гоняли на работу. Днем они видели, но вечера ждали с ужасом, чтобы, цепляясь в темноте друг за друга, под окрики охраны и насмешки «братвы» как-то добраться до места. А там их уже поджидали лагерные «шакалы», для того чтобы успеть выхватить хлебную пайку у почти незрячего человека, изнуренного тяжелыми трудами и голодом.

И так день за днем. Только жизнь заключенных в этом бараке длилась недолго. Конец приходил очень быстро. «Барак смертников» – и этим все сказано.

Где-то уже на седьмом году заключения отец Григорий почувствовал грозные признаки «куриной слепоты». Болезнь развивалась стремительно, и не прошло и месяца, как его перевели в барак к «смертникам». Над отцом Григорием сгустился мрак безнадежности. В нем, почти ничего не видящем, бредущем после изнурительного труда в толпе таких же слепцов и знающем, что сейчас опять будет украдена его пайка, блеснула пусть малая, но надежда выжить. И он взмолился Богу:

– Господи Иисусе Христе! Милостивый! Ты столько раз оказывал мне помощь и защиту. Остается только три года до окончания срока моего заключения. Дай мне возможность дожить до этого времени и выйти из лагерного ада. Дай возможность послужить Тебе в храме Божием. Дай увидеть, обнять ненаглядных моих родных, и тогда я буду любить и оберегать их всеми своими силами, но принадлежать – только Тебе, Господи! И жена моя, горячо мною любимая, будет мне только сестрой. Я уверен, что она поддержит меня, ведь крест христианский – это не просто бездумная покорность судьбе, а свободно избираемая бескомпромиссная борьба с самим собой. Господи! Приими обет мой и помоги, спаси и помилуй раба Твоего, грешного Григория.

Нести крест свой – значит полюбить Христа и принести Ему себя в жертву, как Он принес Себя в жертву за весь род человеческий. Окончив молитву, отец Григорий устремил свои невидящие очи в небо. Он шел, вернее, карабкался в толпе таких же несчастных людей, в слепоте пробирающихся к своим нарам, которые в любую минуту могли стать смертным одром.

Всю силу своей веры, надежды и любви ко Господу, как единому Защитнику от хорошо отлаженной лагерной машины убийств, вложил отец Григорий в свой молитвенный молчаливый крик, крик души. И... «О Боже! О милостивый Боже!» – его незрячие глаза озарил на мгновение свет! Он был непередаваемо яркий, но не слепил. Он был ярче солнца, но ласкал измученные глаза. Он осветил каждый уголок его пылающей души и онемевшего тела. Он был светлее материнской улыбки. Это был свет Божественный!

Батюшка упал на колени, задыхаясь от потрясения. Все его существо содрогалось от рыданий. Слезы, которыми он не плакал с детства, текли из его измученных глаз по щекам, и он даже не утирал их. Они были как лекарство, как бальзам для его изнемогающих души и тела. Свет этот дивный исчез, и отец Григорий отчетливо увидел звездное небо, увидел вдали свой барак, копошащихся несчастных слепцов и охрану, не реагирующую на стоны сбившихся в кучу людей. Он взглянул внимательно на охранников – лица их были тупы и привычно озлоблены. «Они же зрячие, – подумал отец Григорий, – но ничего не видят, как евангельские слепцы». Значит, видел он один? Бог услышал его! Господь видел, что батюшка уже на краю гибели, и вот Он снова и снова спасает его!

Волна благодарных мыслей, поднимавшаяся в душе отца Григория, накрыла его с головой. Ему хотелось плакать, смеяться и бесконечно радоваться. Он не мог взять себя в руки. Он пел хвалебную песнь Господу и благодарил Его в своей ликующей душе.

Тем временем толпа добралась до барака, где, как гиены с наглými и горящими глазами, слепых заключенных поджидали постоянные воры хлебных пашек, а точнее – воры жизней. Когда батюшка подошел за своей пайкой и блудливая воровская рука привычно скользнула вперед, отец Григорий резким и точным ударом кулака, как кувалдой, прихлопнул ее к столу. От неожиданности и боли «шакал» взвыл, а батюшка уверенно произнес: «Вот так! Пошел вон!». С этого дня в их барак ворье заходило все реже. Вскоре начальству стало известно, что заключенный Пономарев видит. Через несколько дней его перевели в другой барак. Потрясение, пережитое им, укрепило его веру и усилило пламенные молитвы к Богу.

Обеты, данные отцом Григорием Господу, при встрече с матушкой Ниной были приняты ею как должное. Ведь они были плоть едина¹⁶.

¹⁶ См.: Мф. 19, 6.

Отец Алексей

Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долгою дний исполню его и явлю ему спасение Мое.
Пс. 90, 15-16

Шел шестой год после освобождения отца Григория из зоны. Он имел уже соответствующий документ со всеми подписями и печатями на право свободного передвижения и отъезда. Но все это была лишь хорошо замаскированная форма задержания человека в Магаданском крае, куда из более цивилизованных мест и по контракту не заманишь, а работники тут нужны. Формально все конституционные нормы по отношению к нему были соблюдены: выдан паспорт, – но реально возможность попасть, как говорили здесь, «на материк» была минимальной. Большинство бывших заключенных, освободившись из зоны и предприняв неудачные попытки уехать, оставались тут же. Постепенно приживаясь, они начинали новую жизнь.

«На материк» можно было попасть лишь самолетом. Пассажирских рейсов в то время не было, летали только транспортные или почтовые самолеты, на которые брали по два-три человека кроме команды, в основном – начальство. Местное же малочисленное население писалось в негласную очередь на годы вперед. Кроме того, стоимость перелета до любого места, где были открыты к тому времени пассажирские авиалинии, была баснословно велика.

Отец Григорий устроился работать в систему Дальстроя, записавшись в очередь на вылет и собирая каждую копейку на оплату дороги до материка и на билет со многими пересадками до Свердловска. Ему довелось поработать и с геологами, и на метеостанции, и просто на строительстве дорог.

Покатилась череда лет жизни формально свободного, но фактически запертого (только уже не в стенах зоны, а в необъятных просторах Севера) человека, выжившего на сталинской каторге и теперь прилагающего все усилия, чтобы вырваться на родину к семье.

Жил он, где получалось: летом – в палатках, зимой – в бараках геологов, в вагончиках дорожников и в передвижных станциях метеослужбы. Как и раньше, он оставался сдержанным и молчаливым человеком, но не угрюмым. Он был трудолюбив и вынослив. Зона выработала в нем обостренное чувство опасности, связанное с природными явлениями, сложными жизненными ситуациями и человеческими конфликтами. Народ на Севере в те далекие времена в большинстве своем был грубый и малообразованный. Население края пополнялось тогда в основном освободившимися из зоны заключенными.

К отцу Григорию по северным суровым меркам относились хорошо: умен, трудяга, никогда не подведет, верный человек, но – «не свой». Не пьет, не сквернословит, а иногда взглянет своими синими глазами, да так, что не поймешь – или он тебя почему-то жалеет, или знает что-то такое, от чего становится не по себе. Даже языки грубиянов и матерщинников под этим взглядом прилипали к гортани. Ну не свой он был среди них, хоть и уважаемый человек.

Работая, отец Григорий творил Иисусову молитву – так повелось еще с зоны. Его молодая и цепкая память, которая с младенчества была настроена на молитвы, восстановила почти всю Божественную литургию, главы из Священного Писания, молитвы о здравии и об упокоении, утреннее и вечернее правило, тексты акафистов. Кроме того, он читал и светскую литературу, которую удавалось добыть. В его бумагах был найден список авторов и книг, прочитанных им после освобождения. Среди них – в основном классика. Книги Максима Горького, Стефана Цвейга, Джека Лондона... Сохранились даже отдельные выписки из прочитанного, много страниц выписано из «Тружеников моря» Виктора Гюго. Живой, светлый ум батюшки все время старался увидеть мир глазами других людей.

Позднее, когда батюшка служил уже настоятелем Свято-Духовской церкви в Смолино, он как послушание благословлял своим духовным чадам чтение книг писателей-классиков. Одна духовная дочь отца Григория, Любовь, рассказывала, что получила однажды от батюшки благословение читать книги Виктора Гюго. Прочитав шесть томов из полного собрания сочинений писателя, она остановилась на чтении трагического произведения «Валентин и Валентина» и, потрясенная событиями, описанными в романе, пришла к батюшке со словами: «Все, больше

читать не могу...». Отец Григорий, внимательно взглянув на Любовь, тихим голосом сказал: «А больше и не надо...». Так сбывались слова батюшки, записанные им в духовном дневнике: «Большое дело – давать читать с размышлением. В этом секрет подхода к душе. А непродуманно дать чтение – это просто забросать книгами, не сообразуясь с наклонностью человека. Когда от книги прочитанной осталось впечатление, это значит – попал в цель, а если не так, то считай свой заряд пропавшим».

Чувство одиночества на чужбине, нередко подкрадывающееся уныние и тягостные раздумья облегчала только молитва. Очень часто отец Григорий думал о своих родных: о любимой супруге, о дочке, которая росла без него. Он не слышал ее детского лепета, не видел ее первых неуверенных шагов и успехов в музыке, которые она имела благодаря героическим усилиям своей мамы Нины Сергеевны. Все было без него. Что ж, видно, так угодно Господу... Болело сердце об отце – архимандрите Ардалионе. Из писем жены, читая их «между строк», он смог понять, что связи с отцом совершенно оборваны. «Где же ты, мой дорогой друг, отец, наставник и учитель? Вряд ли стальные челюсти ГУЛАГа пощадили тебя!». Где отец матушки Нины, протоиерей Сергей? Где все, столь любимые и дорогие сердцу люди, стигнувшие в пучине 1937 года?

Последние годы отец Григорий почему-то особенно остро вспоминал свое короткое и трагическое знакомство с покойным отцом Алексием, его напарником по шахте. Для себя он четко решил, что если Господь сподобит его вернуться домой, то свою дальнейшую жизнь он посвятит служению Богу и Церкви. Это был и завет отца Алексия, и обет Богу, данный заключенным Григорием Пономаревым во время пребывания в бараке смертников. Впрочем, даже если бы не эти страшные и мучительные события лагерной жизни, то отец Григорий все равно посвятил бы себя служению Церкви, для которого он был уготован с детства.

Воспоминания об отце Алексии подолгу тревожили его душу. Работая в системе Дальстроя, он неплохо знал окружающие места. Знал и расположение своей бывшей зоны, и места захоронения умерших узников. Места эти, собственно говоря, и «захоронением» назвать-то было нельзя. Это были огромные котлованы, вырытые во время короткого северного лета. В течение всего остального года они заполнялись телами умерших. По мере наполнения котлована трупами они слегка прикапывались землей, и то не из соображений человечности и гуманности, а по необходимости санитарной профилактики. Тела же несчастных, умерших зимой, просто штабелями, как поленницу дров, складывали где-то там же, а по весне, хочешь не хочешь, тоже приходилось хотя бы слегка присыпать их землей. Тут бродило много диких, отощавших за зиму волков и лисиц. Мелькали и пушистые шубки соболей. Стаи воронья кружились над этими мрачными местами поругания над человеческими останками. Они свидетельствовали о еще более страшном разложении – растлении душ живых людей, ведающих этими «полями скорби».

Почвы, часто болотистые, ускоряли процесс «выравнивания местности», но обычная тундровая растительность вела себя странно. Целые поляны над захоронениями были покрыты неестественно огромными кустами морошки. Ягоды на них были не оранжевые, а кроваво-красные, ядовито-спелые. Мхи, травы и лишайники вырастали много крупнее своих собратьев из обычной лесотундры. А нежные розово-лиловые и белопенные тончайшие цветочки, на неделю покрывающие обычную тундру и знаменующие собой полярное лето, тут не появлялись вовсе.

Ничто не могло скрасить хоть на миг угрюмость и мрачность этих мест. Что-то незримо наваливалось на тебя здесь, давило и душило до изнеможения. Однако отец Григорий, преодолевая себя, иногда приходил сюда и читал зауспокойные молитвы и акафисты, семнадцатую кафизму. Все это он помнил с детства. Странная мысль о том, что он, сам не зная как, может хотя бы примерно определить место захоронения отца Алексия, часто посещала его. Он пони-

мал, что это почти неисполнимо, и гнал от себя нелепые мысли. Но они вновь и вновь настойчиво прорывались в его сознании.

Осенью 1952 года он снова, и уже в последний раз, посетил эти места скорби. Необходимая сумма для дороги домой была почти собрана, нашлись и люди, которые могли помочь ему улететь, предположительно ранней весной.

Первые морозы уже схватили болотистую почву. На свежем снегу еще более ярко и зло, чем осенью, алела, как разбрызганная кровь, отживающая свой век морошка. Мхи, седые от заморозков, покрывали всю поверхность огромной поляны, на которой стоял отец Григорий. Он прощался со всеми усопшими: ворами, бандитами и невинно осужденными – и молился за них. Молился и за тех исповедников православной веры, которые пострадали за Христа. Сколько их прошло по тропе страданий за эти страшные десять лет заключения?..

Окружающая тишина нарушалась лишь шелестом растений, напоминающих об уходящих в вечность минутах. Мысли об отце Алексии щемящей раной в сердце не давали ему покоя. Прочитав, как обычно, все заупокойные молитвы, он с мольбой обратился к Господу: «Господи Иисусе Христе! Если есть на то Твоя благая воля, соверши невозможное: укажи место упокоения отца Алексия! Я снова буду просить Тебя, чтобы Ты принял его в Свои светлые обители. На краткий миг нашей земной жизни он был мне как отец. Помоги мне, Господи, запечатлеть в своем сердце все, что связано с дорогим человеком».

Тусклое на закате дня солнце осветило напряженное, устремленное в небо лицо отца Григория и его глаза, увлажненные слезами. Бросив прощальный взгляд на поле, сквозь слезы он увидел вдалеке какой-то странный отблеск: то ли осколок стекла блеснул на солнце, то ли это был какой-то огонек. Смахнув скупые слезы, он напряженно вгляделся и увидел этот огонек, почти на снегу, и быстро зашагал к нему, боясь потерять его из виду.

Где-то вдали по краю поляны прошли два человека. Они как будто уходили от странного огонька и вскоре скрылись в подлеске. Отец Григорий почти не обратил на них внимания: мало ли кто может тут проходить – те же дорожники или геологи, возможно, сокращали себе дорогу, проходя этой кладбищенской поляной, ведь это была незакрытая территория. Он очень боялся потерять из виду маленький огонек, который как бы звал, чем-то привлекая к себе. По мере приближения стало видно, что он горит не прямо на снегу, а на конце тоненькой палочки, воткнутой в снег, и вот-вот потухнет.

Теперь он ориентировался только на эту желтевшую на фоне снега палочку. Огонек исчез совсем, но когда отец Григорий подошел ближе, сердце его стало отбивать гулкие мучительные удары. Он не верил своим глазам – палочкой этой оказалась... свечка. Тонкая восковая свечка. Самая настоящая. Откуда здесь, в таком безлюдном месте, горящая церковная свеча? Он шестнадцать лет не держал ее в своих руках. Кем была зажжена эта поминальная жертва?

Мысль его остановилась на тех двоих, что ушли в подлесок. Но что-то подсказывало сердцу, что молитва его услышана, *ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*¹⁷.

Как близок к нам Господь, как Он видит и слышит нас, как любит и всегда откликается и помогает!

Когда отец Григорий подошел ближе, фитилек свечи уже обуглился, а по воздуху плыл сизоватый дымок. Уняв бьющееся сердце, он вновь зажег свечку. Сотворив благодарственные и заупокойные молитвы, он поцеловал землю, где горела свеча. В душе его волной прокатилась тихая светлая печаль и одновременно радость и благодарность Господу. Конечно, это было место захоронения отца Алексия. Отец Григорий тогда еще не был священником и не мог по полному чину совершить панихиду, но все, что зависело от него в тот момент, он выполнил.

¹⁷ Мф. 7, 8.

Домой он возвращался при свете луны, печально освещающей этот скорбный земной уголок. Но времени он не чувствовал, только понимал, что до конца исполнил свой долг перед покойным отцом Алексием. Отец Григорий бесконечно благодарил Господа за чудесную помощь и за данную Промыслом Божиим возможность исполнить свой христианский долг.

В эту же ночь он увидел во сне отца Алексия. Батюшка был в полном священническом белоснежно сверкающем облачении. На голове его сияла митра, переливаясь светом драгоценных камней и золотом шитья. Глаза его, трогающие душу своей кротостью и младенческой чистотой, смотрели на отца Григория с любовью и радостью. Рядом с отцом Алексием стоял еще один старец, такой же светлый и сияющий, но незнакомый отцу Григорию.

«Ну, Гришенька, вымолил! – был голос. – Спасибо тебе, сынок, за память, за молитвы. Они услышаны. Теперь простимся надолго. Я буду за тебя молиться, а тебе предстоит еще большая, долгая жизнь и много подвигов во славу Божию. Храни тебя Господь!». Он благословил отца Григория, и на этом сон оборвался. А может, это был не сон? Отец Григорий ощутил себя лежащим с открытыми глазами, устремленными в ночное небо. Желтая луна заливала все кругом своим призрачным светом. Вокруг нее было большое светлое сияние, а это, говорят, к морозам. Так началась последняя магаданская зима в жизни отца Григория.

Уже к концу марта 1953 года ему сказали, чтобы он подготовил деньги для самолета. В апреле он уволился из системы Дальстроя и, получив все документы, в этом же месяце навсегда распрощался с шестнадцатью годами заключения и тяжелых непосильных трудов, которые стали для него восхождением на его Голгофу. Благодаря Бога за все и прося Его помощи и покровительства в дальней дороге, он покинул этот край человеческих страданий, направляя свой путь к новой жизни, новым подвигам и свершениям во славу Божию. *Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!*¹⁸

¹⁸ Пс. 67, 36.

Глава четвертая

Встреча

Шел 1953 год. Страна еще не ощутила перемен после смерти Сталина. Намертво закрученные во всех областях жизни гайки пока не ослабели. Нужно было время.

Апрель в том году был какой-то несмелый. Днем солнце уже сильно припекало. От земли, заметно оттаявшей к этим дням, поднимался пар; ручейки, стремясь слиться, захватывали потемневшие набухшие пласты снега и льда. А ночью все опять застывало так, что утренний снежный наст выдерживал вес взрослого человека, и нам, подросткам, интересно было испытывать его на прочность.

Весна не спешила. Мы с мамой продолжали жить в Свердловске, в районе Верхисетского завода, в каморке, снятой у предприимчивого пенсионера. В этой летней дощатой будке он проделал окно, сам сложил печь – источник наших бесконечных мучений, ведь редкий день ее можно было истопить так, чтобы дым шел в трубу, а не в нашу комнатушку. Вот такую «квартиру» мы и снимали. Тут мы бедовали уже две зимы, не находя ничего лучшего. Твердая уверенность мамы, что я должна продолжать музыкальное образование, привела нас в Свердловск из Нижнего Тагила и удерживала здесь. Тогда, по своему юному возрасту, я не могла оценить незримый ежедневный подвиг, который совершала мама ради меня.

Работала она в швейном ателье на другом конце города и получала мизерную зарплату, не зная, как растянуть ее, чтобы хватило и на квартирную плату, и на дрова, и на питание и одежду. Меня она почти не видела, уезжая из дома очень рано и возвращаясь поздно вечером, так как оставалась подрабатывать сверхурочно. Кроме того, она выполняла еще кучу домашних дел, непосильных для меня, подростка, и только измученное, землистого цвета лицо и глаза, в которых, казалось, навечно поселилась тревога, выдавали ее состояние и усталость. Мы очень любили друг друга, и каждый мой успех в музыке радовал ее больше, чем меня.

Самым счастливым временем для нас были приезды бабушки, Павлы Ивановны (маминой мамы). Она постоянно жила в Нижнем Тагиле в семье старшей дочери Ольги. Понимая, какие тяготы несет мама, и жалея ее, она приезжала к нам погостить и помочь в домашних заботах. Это всегда была радость. У мамы светлело лицо, тревога немного отпускала ее, а я, греясь в бабушкиных хлопотах и внимании, превращалась в обыкновенную беззаботную школьницу.

В этом году она приехала где-то в середине апреля и провела у нас несколько дней. Было обыкновенное серое утро. Мама давно уже уехала на работу, я собиралась в школу, радуясь, что не одна – у нас гостит бабушка. Вдруг в нашу каморку постучал хозяин и подал бабушке телеграмму: «Прилетаю 20-го, рейс №... Крепко целую. Гриша». Но что это? Прочитав телеграмму, бабушка бледнеет и начинает медленно оседать на пол. Она лежит... и непонятно, дышит ли. Я испугалась, ведь мне еще никогда не приходилось видеть, как люди теряют сознание. Мне страшно, мне очень страшно. Кажется, что она умерла. Интуитивно решаю, что ей надо дать понюхать нашатыря и почему-то обязательно, обязательно надо ее посадить. Если она будет сидеть, не будет так страшно.

Наконец очень медленно она приходит в себя, смотрит так, словно вернулась издалека. С трудом садится, что-то вспоминает и... заливаясь странными светлыми слезами. Бабушка, наша опора – и вдруг... И только тут до меня дошел смысл телеграммы: «Прилетаю 20-го... Гриша». Значит, это папа? Значит, сегодня прилетает мой папа?! Сознание отказывается принять эту радость, наступает какая-то пустота. Да, радость, оказывается, бывает очень трудно пережить. Мало-помалу мы с бабушкой обретаем способность связно говорить. Как сказать маме? Она столько вынесла! Надо ее как-то подготовить, иначе может случиться непоправимое.

Мама приехала раньше обычного, какая-то взволнованная, с сильной головной болью. На работе у нее вдруг подскочило давление, ей стало плохо, вызвали «скорую» и, оказав необходимую помощь, отправили домой на директорской машине. Что за странное волнение, ведь она пока ничего не знает? Но в глазах ее застыл вопрос. Она даже не спрашивает, почему я не в школе и что с бабулей...

Все-таки случайностей не бывает, и бабушка приехала именно в это время для того, чтобы предварить папин приезд и помочь маме справиться с неожиданной и столь великой радостью. Моя мудрая бабуля, накапав в чашечку валерьянки, в приказном порядке укладывает маму в постель. Шутка ли – давление, «скорая»... Надо лежать. Таблетка аспирина для мамы, валерьянка и валидол под язык. Меня отправляет выяснить время прилета самолета.

Когда я возвращаюсь, непереносимое напряжение в воздухе, которое, казалось, можно было пощупать рукой, рассосалось. Мама уже сидит. Видно, что они обе плакали, и я прихожу к ним плакать третьей. Однако у бабушки вид победителя, осуществившего сложнейшую операцию. Она смогла, сумела своим материнским чутьем подготовить маму принять эту радость. Мама сидит, не выпуская из рук телеграммы, словно этот дорогой бумажный листочек может куда-то исчезнуть.

Самолет прилетает поздно вечером. Регулярных автобусных рейсов в аэропорт нет. В те годы люди мало летали самолетами. Добраться можно было только на такси, а это больше половины маминой зарплаты. Но иного выхода нет. И вот, оставив бабушку, которая вдруг как-то ослабела, мы отправляемся в аэропорт, встречать папу. Кажется, что это какая-то сказка, далекая от реальности. Мы едем уже в темноте по старому Сибирскому тракту. В окне машины мелькает угрюмый еловый лес. Неуютно, даже более того, просто страшно. А мама, такая чуткая ко всему, сидит совершенно отрешенно. Какие мысли, какая работа кипела в ее дорогой душе? Уже не узнать...

Наконец мы приехали. Аэропорт в Свердловске 1953 года – это просто длинный барак, рядом забор, за которым идет строительство. Тогда еще не было даже и старого аэропорта. Народу почти нет, все закрыто. Самолетов не видно. Пахнет керосином и полынью одновременно. Мимо нас проходит группа смеющихся людей, среди них – летчики. Голоса затихают, и мы узнаем, что папин рейс задерживается по метеоусловиям. Кажется, что эти слова совсем из другого мира. Наверное, он прилетит не раньше завтрашнего дня. После того как нервное напряжение достигает предела, наступает спад – как защита. Надо возвращаться домой. Мама испуганно пересчитывает деньги, мелочь – все, что есть, чтобы расплатиться за такси. А как ехать завтра? Ничего, она очень рано встанет, съездит на работу, чтобы предупредить и перехватить денег. Ей дадут. Ее любят на работе. Говорят, что она всегда вносит мир в их неспокойный женский коллектив.

Половину ночи мы не спим. Просто не в состоянии заснуть. Пузырек с валерьянкой заметно пустеет. Но вот и утро. Мама выглядит страшно: глаза и веки красные, синие мешки под глазами, отекающее лицо пылает. Походка неуверенная. Уехала отпрашиваться и занять денег. «Господи, дай ей сил!». Бабуля старается держаться, но это дается ей с трудом. В бессмысленном метании по комнате в ожидании мамы проходят часа два-три. Глаза все время устремлены на ворота – когда она придет?

Но вот ворота открываются, и... входит мужчина. Невысокого роста, очень крепкий, широкоплечий. На нем костюм и плащ, светлая сорочка подчеркивает странный цвет его лица (северный загар). У него синие-синие глаза. Он осматривается и, как будто бывал тут раньше, решительно идет к нашему дощатому домику. Открывает дверь и... подхватывает бабушку, готовую упасть.

– Гришенька!..

– Мамочка!..

Слышны только обрывки слов и глухое прерывающееся рыдание. Он оборачивается. Какой-то миг он поглощает меня глазами, он весь уходит во взгляд. Потом хватает меня и целует, и смеется, и плачет, и снова смеется.

– Доченька моя? Лелечка?

Он смотрит, смотрит... Я просто оглушена таким шквалом эмоций. И тоже смотрю, смотрю... на него. Так вот он какой, мой папа! Какой он мощный, крепкий, какой у него благородный облик, и синие-синие глаза, и черные волосы, чуть седые на висках! Он красивее всех на свете!

Но в глазах его вопрос. Ну конечно... Где она, где его бесконечно дорогая Ниночка? Где, где же она? Он стоит на пороге открытой двери нашей комнатухи, когда во двор входит измученная, изнуренная женщина – силы ее на исходе. Женщина видит его... и на миг останавливается. Но кто же она? Такая молодая, почти девушка, тоненькая, стройная, в своем темно-зеленом платье в полоску. Глаза сияют, как два солнца. Она не идет, а скользит по воздуху. Кто эта красавица? Это моя мама! Он кидается ей навстречу, и она падает в его объятия...

Уже к вечеру мы немного успокаиваемся, чтобы говорить, говорить... вспоминать и опять плакать, хотя слез уже не хватает... Но еще не осознаны все утраты, еще столько не сказано. Это придет потом.

Засыпая, утомленная переживаниями, я слышу, как в ушах моих равноправно звучат три голоса. Настоящая полифоническая музыка: тихая беседа родителей, трудное, старческое дыхание заснувшей бабушки и сильный шум дождя – первого настоящего дождя после зимы, смывающего и уносящего в Лету остатки зимы и бури страстей, пережитых сегодня. Легкие, светлые мечты о будущем смежают мои усталые веки. Как хорошо, как спокойно, когда есть папа! «Слава Тебе, Господи, что дал нам пережить такую дорогую минуту встречи!».

Глава пятая

Отец Григорий

*Способность наша от Бога. Он дал нам способность быть
служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква
убивает, а дух животворит.*

2 Кор. 3, 5–6

Жизнь сложилась так, что мое общение с отцом было не постоянным, а скорее эпизодическим. Первая наша встреча, как уже было сказано, произошла по его приезду с Севера, когда мне было почти шестнадцать лет.

Не прошло и месяца после возвращения, и папа осуществил данный им обет – посвятить всего себя служению Богу и Православной Церкви. Мама, конечно, его поддержала. Прослужив недолгое время диаконом в Иоанновской церкви Свердловска, он получил постоянное место в небольшом районном городке Кушва, куда они с мамой и поехали. Я же осталась в Свердловске продолжать учебу, и с этого времени фактически началась моя самостоятельная жизнь.

Конечно, мы виделись. Все каникулы я проводила у них. Но велики ли каникулы для познания внутреннего мира человека, прошедшего такой сложный путь? Да и я в силу молодости была слишком занята своими проблемами, чтобы глубоко понять, *что* пережил он и *как* формировался (лучше сказать, выковывался) его характер. Он попал в сталинскую «мясорубку» всего в двадцать четыре года. Как он не сломался духовно и физически в столь молодом возрасте? Именно там возмужала его воля и укрепилась вера. Каким сильным, но внутренне закрытым человеком приехал он с Севера!

И в последующие годы жизнь ставила перед ним сложные задачи, но они отвечали уже новому времени... В те годы я не могла заметить и оценить его постоянный духовный рост. И лишь теперь, стараясь понять и охватить его личность, сложить воедино его записи, дневники, письма, вкладывая в недостающие звенья свои воспоминания о его беседах с родными, советы многочисленным духовным чадам, несущим ему свою боль и неразрешенные вопросы, я пытаюсь выявить его самые главные требования прежде всего к себе, а затем – к людям. Вера. Чистейшая, беззаветная, безусловная вера и надежда на Господа при любых обстоятельствах... Но как сделать эту веру не застывшей, не мертвой, а живой, трепетной и приносящей спасительные плоды? Это стало его целью и в самосовершенствовании, и в постоянной духовной помощи всем нуждающимся в нем.

Через год после возвращения с Севера. *Кушва, 1954 год*

Отец Григорий в сане диакона. *Кишва, 1954 год*

Дома... после многих лет лагерных страданий

По прошествии года с начала служения отца Григория диаконом в Кушве, 6 ноября 1955 года, в день празднования иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» Преосвященнейший архиепископ Свердловский Товия¹⁹ совершил его рукоположение во иереи. Вскоре батюшку перевели в Нижний Тагил.

В период служения в Кушве, а потом в Нижнем Тагиле папа был полон энергии, которая находила выход в самых различных проявлениях. Он с наслаждением работал в храме, приводя в порядок церковные книги, иконы, киоты. Его часто можно было видеть в церковной ограде с плотниками и столярами. Одновременно он с пастырской теплотой и терпением окормлял вверенную ему Господом паству, ведя неутомимую духовно-просветительскую работу.

Надо сказать, что к концу 50-х и в 60-е годы духовной литературы в стране почти не осталось, и то малое, что удавалось найти батюшке, он переписывал вручную, «тиражируя» для многочисленных духовных чад. Позднее удалось купить пишущую машинку, и отец Григорий специально научился печатать, чтобы более полно удовлетворять духовный голод всех страждущих. Постоянная привычка печатать духовную литературу сохранилась в нем до последних дней жизни. Будучи уже смертельно больным, он еще пытался напечатать страничку-другую... После его кончины так и остался лист бумаги, вставленный в машинку, с недопечатанным словом... Не смог. Но у многих верующих сохранились как память о батюшке перепечатанные им самим тетрадки с духовными записями.

¹⁹ Архиепископ Пермский и Соликамский Товия (Остроумов; 1884–1957). – *Изд.*

Отец Григорий вскоре после рукоположения в сан иерея. *Нижний Тагил, 1955 год*

Читая его дневник, можно проследить, как он постоянно и пытливо всматривается в себя, совершенствуя и обостряя свой дух. Он постоянно как бы наблюдает за собой со стороны. В его записях все чаще появляется мысль о значении времени – конкретного времени, отпущенного каждому. Как это время использовать с максимальной пользой? В дневнике настойчиво звучит тема часа в течение суток. Необходим контроль: что сделано за час, на что он был потрачен? Думаю, что тут не последнюю роль играла жизнь в заключении, в лагере. В шахте или на лесоповале ощущение реальности того, что любой час может оказаться последним, повышалось в сотни раз в сравнении с жизнью на воле. Очень настойчиво в дневнике проводится мысль, что в любой час надо быть готовым предстать пред Господом с ответом за все.

Паломничество

После рукоположения отца Григория в сан иерея вместе с матушкой Ниной им удалось осуществить свою давнюю мечту и побывать у истоков Православия на Руси – в Киеве, чтобы молитвенно припасть к киевским святыням. (Матушка к этой поездке отнеслась с большим волнением.)

И вот в один из теплых октябрьских дней перед глазами отца Григория и матушки Нины предстал Киев с его многочисленными храмами, монастырями и Печерской Лаврой, куда отец

Григорий еще в детстве мечтал доскакать на своей деревянной лошадке. Город поразил их своим великолепием и красотой. В те годы большинство православных храмов было закрыто, и осмотреть их можно было лишь как экскурсантам. После Великой Отечественной войны Киев лежал в руинах, но храмы восстанавливались одновременно с городом. Это были как будто прежние храмы, они стояли с позолоченными куполами, только теперь в них располагались различные госучреждения и музеи.

Древний Софийский собор – колыбель Киевской Руси – был открыт; иногда в нем совершались богослужения. Сила и величие духа чувствовались в этом древнем храме... Свет, заливавший его сверху, высвечивал верхний ярус икон, сияющий позолотой. Причудливо отражаясь в разноцветных лампадах, свет постепенно растворялся внизу, не в силах охватить весь храм. Иконостас, уходящий куда-то ввысь, казался удивительно легким, так что иконы, помещенные в нем, как будто парили в воздухе.

Отца Григория и матушку поражало все. Они любовались архитектурой Андреевского храма, росписями Владимирского собора, древними святынями Покровского и Флоровского монастырей. Поразила их и красота самого города. Киевские бульвары со знаменитыми каштанами, выложенные каменными плитками, были усыпаны в эти октябрьские дни ворохами разноцветных опавших листьев. В воздухе то и дело кружила теплая золотая метель, так мало похожая на северную невьянскую осень. Шурша легкой листвой, они медленно шли по направлению к Киево-Печерской Лавре, вспоминая такой же осенний день их свадьбы.

Главной целью их приезда было, конечно, посещение лаврских пещер. Уже на подходе к Лавре на отца Григория и матушку налетел вольный днепровский ветер, который то сбрасывал батюшкину шляпу, то закручивал на узорных плитах тротуара воронки из сухих листьев. Как расшалившийся ребенок, он неожиданно кидал легкую сухую листву в лицо прохожим, но отец Григорий был глубоко сосредоточен на предстоящем посещении дорогих святынь, он ничего не замечал вокруг и шел к пещерам, призывая в молитвах помощь Божию.

* * *

В войну налеты и бомбежки немецких самолетов повредили внешний облик Лавры. После войны многое было восстановлено, и какое-то время Дальние, или, как их еще называли, «нижние», пещеры были открыты для паломников. Верхние же были закрыты для всех.

«Когда во время Великой Отечественной войны немцы заняли Киев, – читаем мы в житии преподобного Кукши Одесского²⁰, – то немецкий комендант города пожелал посетить всемирно известные Пещеры Киево-Печерской Лавры, в то время еще закрытые. Для этого нашли монаха – бывшего насельника этой обители. Осмотр начался с Ближних Пещер. В то время мощи почивали в раках открыто, не под стеклами. Около раки преподобного Спиридона-просфорника, почившего 800 лет тому назад, комендант остановился и спросил, из чего сделаны эти мощи. Монах стал объяснять, что это тела людей, своей святой жизнью сподобившихся нетления. Комендант, не веря его словам, взял свой пистолет за ствол и рукояткой с силой ударил по руке преподобного Спиридона: сухая, потемневшая от веков кожа лопнула на запястье, и из раны хлынула настоящая алая кровь (следы трех засохших потоков ее заметны и сейчас на руке преподобного). Увидев это чудо, комендант в ужасе бежал из пещер, а за ним и вся его свита.

На следующий день по городскому радио немецкая комендатура объявила, что Киево-Печерская Лавра открывается, и желающие могут поселиться в ней. <...> Вскоре немцы разрешили открыть и женские монастыри: Покровский, Флоровский, Введенский»²¹.

²⁰ Память 11/24 декабря. – *Изд.*

²¹ Житие и чудеса преподобного Кукши Одесского. Одесса, 2000. С. 22–23. – *Изд.*

Буквально перед приездом отца Григория и матушки Нины массовые посещения пещер временно ограничили. Объясняли это тем, что в легких песчано-сланцевых породах горы, потревоженной бомбежками, произошла деформация, в результате чего в пещеры якобы стала попадать днепровская вода. Женщина, приютившая у себя моих родителей, работала в музее, находящемся на территории Лавры. Она была глубоко верующим человеком; почти всю жизнь прожила в Киеве, проводя экскурсии по Лавре. С отцом Григорием и матушкой она познакомилась в Нижнем Тагиле, когда гостила там у своих родственников. Она и выхлопотала для них особые пропуска для посещения нижних пещер. Она же рассказала отцу Григорию и матушке много интересного из истории Лавры. На вопрос об отношении сотрудников музея к монастырю женщина ответила, что почти все они приходили на эту работу убежденными атеистами, но за время пребывания в стенах Лавры насмотрелись такого, что их прежние убеждения поколебались. Так, например, был известен факт, что в музей поступило распоряжение вынести из пещер все святые мощи и уничтожить их. Ночью приехали грузовики, но когда на них перенесли мощи святых, ни одна машина не завелась. Отправили за подводами, переложили на них святыни, но лошади встали на дыбы. Святые мощи снова разнесли по пещерам и оставили в монастыре.

В хронике Киево-Печерской Лавры сотрудниками музея зафиксирован и такой случай, который произошел за год до последнего открытия монастыря. В пещеру проник злоумышленник, чтобы, выполняя заказ мафиозной группы, сбывавшей за границу иконы, похитить и вынести из Лавры часть мощей святых угодников. Сотрудники музея заметили, что более двадцати гробниц осквернено, и в этот же день объявили поиск грабителя. Несчастный был обнаружен сидящим в оцепенении в одном из дальних концов пещеры, не имеющим сил даже пошевелиться. В таком положении его и вынесли из пещер сотрудники милиции. Позднее он рассказал, что в тот момент, когда, совершив задуманное преступление, он собирался скрыться, какая-то неведомая сила заставила его пойти в самый дальний угол пещеры, где на него навалилась такая тяжесть, что он не мог более сдвинуться с места.

* * *

Помолившись у надвратной церкви, отец Григорий и матушка с благоговением, затаив дыхание, вошли на территорию Киево-Печерской Лавры.

В целом территория всех пещер Лавры так огромна и их сложный лабиринт на разных уровнях так переплетается, что даже в отведенном для посещения паломниками условном квадрате без проводника легко заблудиться. На территории Лавры отца Григория и матушку уже ждала их провожатая.

Пройдя почти по всей территории монастыря, они подошли к нижним пещерам. Вместе с другими немногочисленными паломниками им отметили пропуска и разрешили посещение. Они зажгли свечи и стали спускаться по крутому, уходящему куда-то вниз коридору. Некоторое время спуск продолжался, потом коридор резко поворачивал и далее уже проходил на одном уровне, то расширяясь, то сужаясь. Тут же начинались первые захоронения насельников Лавры – ранние и более поздние.

Прямо вдоль коридора в легких известковых стенах были выдолблены ниши, в которых и погребали подвижников. Перед каждой из них горела неугасимая лампада. Здесь же висела икона святого, под которой был написан тропарь или молитва ему.

Волнение, которое испытывали отец Григорий и матушка при спуске к мощам святых Божиих угодников, совершенно улеглось, уступив в душе место тишине, покою и благоговению. Они медленно шли, останавливаясь и читая, кто здесь покоится, молились... Имена многих святых были им незнакомы.

По мере продвижения вперед мощей становилось все больше. Легкое благоухание, тонкий неземной аромат наполнял ниши. Паломники уже не держались плотной кучкой. Кто-то молился у одной могилки, кто-то у другой.

Говорили, что в пещерах подолгу жила старица, питаясь подаянием и ночуя у святых моги.

Время словно остановилось для отца Григория и матушки. Трудно сказать, сколько минут, а может быть, часов прошло со времени их спуска, но в какой-то момент матушка вдруг потеряла отца Григория. Буквально минуту назад она видела его коленопреклоненную фигуру, характерный окат плеч, наклон головы, но сейчас его... нет. Это было столь неожиданно, что вначале она даже не испугалась. Решила, что он, наверное, прошел чуть вперед. Она тоже прошла немного вперед, но там его не оказалось. А может, она не слышала, углубившись в молитву, как он вернулся назад? Она поспешила обратно. Тоже нет. Спутница их, хоть и подбадривала матушку, но напугана была не меньше. Кричать, звать? – Но святость этого места не позволяла разговаривать громко. В испуге они метались, стараясь не потерять того места, где видели отца Григория последний раз. Кроме того, женщина-экскурсовод предупредила, что в пещерах много боковых ходов, так что можно заблудиться. Волнение матушки нарастало. Она в изнеможении упала, прижавшись к какой-то могилке, и взмолилась: «Господи! Не дай ему потеряться. Где же он, что с ним случилось?».

Наверное, исчезновение батюшки, беготня испуганных женщин туда-сюда и не были столь долгими, но им показалось, что прошла целая вечность, прежде чем прямо у противоположной стены коридора, где в нише сидела матушка, стал заметен слабый свет и вскоре высветился новый ход – куда-то вглубь пещеры, до этого совершенно невидимый. Еще минута – и две тени промелькнули в этом проеме. Какая-то странная сила не давала женщинам тут же вскочить и побежать навстречу, ноги словно отнялись и приросли к земле. Вглядываясь в темноту, они увидели, как одна фигура поменьше ростом сделала земной поклон перед другой. Человек в длинном монашеском одеянии благословил первого и тут же исчез. Исчез и ровный голубоватый свет, в котором показались фигуры, совсем не похожий на слабое мерцание свечей. В эту же минуту у прохода, ставшего опять почти незаметным, оказался батюшка. Свеча его не горела...

Матушка бросилась к нему, ее знобило. От отца Григория исходило едва уловимое благоухание. Он тоже дрожал, но голос его был тихий и ласковый:

– ...Что ты, Ниночка! Да разве можно так переживать? Все это время я молился тут рядом, в нише. Вы обе меня просто не заметили. Не надо... Успокойтесь. В таком святом месте ничего страшного случиться не может.

У матушки от волнения стучало сердце, дрожали губы и руки. Отец Григорий еще что-то говорил ей, тихо и с убеждением. Постепенно страх стал отступать. Ей вдруг стало стыдно за то, что она думала об опасности в месте, которое само по себе хранит своей святостью.

Женщина, их сопровождавшая, очевидно, тоже переволновалась. Вскоре они вышли из пещер – совершенно в другом месте, в небольшую рожицу на берегу Днепра. Все молчали, осознавая происшедшее; женщины вспоминали исчезновение батюшки и его столь неожиданное возвращение, странный отсвет, в котором они видели незнакомую тень. Кто это был? Когда при дневном свете матушка взглянула на отца Григория, то увидела, что его синие глаза сияли, он был какой-то отрешенный, взгляд его отражал не земное, но небесное.

Пройдя через рожицу, они оказались на самом берегу реки. Темно-синие воды Днепра, синее небо, синие глаза батюшки, а наверху – возвышающаяся Лавра с горящими в заходящем солнце многочисленными золотыми куполами церквей. Они шли берегом реки к дому, где жила их гостеприимная хозяйка. Величественный Киев панорамой разворачивал перед ними свои богатые плечи с позолоченными маковками-шлемами больших и малых городских храмов.

Спустя много времени мама несколько раз пыталась расспрашивать батюшку о его явном отсутствии в пещерах Лавры во время их паломничества и о таинственной тени, оказавшейся рядом с ним, но отец Григорий упорно твердил, что все это ей только показалось, или отмалчивался вовсе. Не знаю, рассказал ли он матушке со временем об этом таинственном событии. Может быть, и рассказал, но только матушка Нина умела хранить тайны...

В Кургане

В 1962 году архиепископ Свердловский Флавиан²² назначил отца Григория настоятелем Свято-Духовской церкви в поселке Рябово города Курган.

Несколько месяцев прослужил батюшка в рябовской церкви, к тому времени уже «приговоренной» городскими властями к переоборудованию под кинотеатр. А вскоре верующим предложили новое место под строительство молитвенного дома в поселке Смолино, который и был возведен с Божией помощью трудами отца Григория и его духовных чад.

Отец Григорий и матушка Нина. *Смолино, 1966 год*

Престол нового молитвенного дома освятили в честь Святого Духа. Из рябовского храма перенесли церковную утварь, иконы, богослужебные книги и священнические облачения, и богослужения возобновились. Много лет отец Григорий, окормляя созданный им приход, служил один. Он и строитель, и настоятель, и требный батюшка одновременно. Жизнь его была

²² Вероятно, речь идет об архиепископе Флавиане (Дмитриюке; 1895–1977), с 1958 по 1966 год епископе Свердловском и Курганском. – *Изд.*

настолько спрессована во времени, что с новой силой звучит в его духовном дневнике тема значения и силы часа²³.

За всю свою жизнь батюшка, можно сказать, не имел полноценного отпуска. Он служил круглый год. Вставая в четыре-пять часов утра, батюшка готовил себя к Божественной литургии. Потом сразу же крещение, венчание, панихида... А в городе уже ждут его с требами. Сообщение с Курганом было тогда через поселок Восточный. Через Тобол²⁴ переправлялись в то время различными способами: и лодки, и плоты, иногда – мостки почти без перил. С тревным чемоданчиком, со Святыми Дарами при температуре 25–30 градусов жары добирался батюшка в любую точку города и близлежащих поселков на общественном транспорте или пешком. Где-то ждали его на исповедь и причастие, где-то – на соборование, но как бы далеко и сложно ни было добираться, он никогда никому не отказывал. Домой приходил белее мела, чтобы сбросить насквозь промокшую одежду и... быстрее в храм ко всенощной. Только вечером он давал себе немного отдышаться, обдумать проведенный день и еще успеть подготовиться к следующему, такому же. Конечно, только Господь давал ему силы. Что такое отпуск, он просто не знал.

Отец Григорий, матушка Нина и дочь Ольга. Смолино, 1970-е годы

²³ См. ниже, с. 267–272. – Изд.

²⁴ Река, протекающая через территорию Казахстана и России, левый приток Иртыша. – Изд.

Смолино. Свято-Духовская церковь. *Фото 1981 года*

Лет тринадцать – пятнадцать батюшка жил такой напряженной жизнью. Но ему готовились новые испытания.

Свои трудности и переживания он тщательно скрывал, стараясь оградить близких от лишних волнений, но его душевная боль вылилась в стихи, вряд ли рассчитанные на читателя:

СЕРДЦЕ

Бедное сердце! О, сколько тревоги
Ты испытало со мною в пути!
Сколько раз, чувствуя тяжесть дороги,
Ты учащенно стучало в груди.

Но и теперь, почуяв ненастье,
Что собралось над твоей головой,
Бьешься, волнуешься, хочешь, чтоб счастье
Снова лилось полноводной рекой.

Полно, утихни же. В мире коварном,
Где суждено нам с тобою шагать,
Больше ты будешь, родное, печально,
Много придется терпеть и страдать.

Долго придется тебе еще биться
И волноваться в стесненной груди,
Пусть тебе сладкое счастье не снится
В жизненном нашем тяжелом пути.

Пусть тебе видятся шумные грозы,

Бури, ненастья и море скорбей,
Ненависть дикая, только не розы
И не хвала от коварных людей.

Так обновимся в служении верном,
Путь христианский со мной продолжай
И своим стуком тревожным, чрезмерным
Ты уже больше меня не пугай.

10.02.1975

Папа был слишком замкнутым человеком, чтобы посвящать в свои тяготы близких. Кроме мамы, конечно. Поэтому я не могу объяснить причины его переводов сначала в Шадринск, вскоре в Куртамыш, потом в Усть-Миасс и так далее... Скорее всего это было связано с отношением к нему уполномоченного по делам религиозных организаций Курганской области. Но факт остается фактом: мои престарелые родители, живя в Кургане, стали «перелетными птицами». Церковный дом, где они жили все годы службы в Свято-Духовском храме, им пришлось освободить, и они купили маленький домик здесь же, в Смолино, где и жили до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.